

КОНСТАНТИН
ФРЕС

ЗОЛОТОЙ
ГРЮФЕЛЬ

ХОЗЯЙКА
РАЗОРИВШЕЙСЯ ТАВЕРНЫ.
Путь к счастью

Константин Фрес

Хозяйка разорившейся таверны. Путь к счастью

<https://litres.ru/74203588>

Аннотация

Умерев в своём мире, я попала в тело хозяйки таверны, юной Мари. Теперь я не шеф-повар элитного ресторана, а опозоренная на весь город девушка. Таверна почти не приносит дохода. Жених соблазнил, надругался и бросил. Да еще и хочет отнять последнее, что у меня осталось! Я на грани нищеты и голода. И мне одна только дорога: в публичный дом. Как избежать ужасной участи? Как не отчаяться и выжить? И как обрести свое счастье, когда все вокруг против тебя?

Содержание

Глава 1. Лорд Грегори	4
Глава 2. Приданое Мари	14
Глава 3. Первые успехи	33
Глава 4. Бой за таверну	46
Глава 5. Запасы	59
Глава 6. «Золотой трюфель»	91
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Глава 1. Лорд Грегори

— За что ты так со мной?

Говорю, стараясь быть спокойной и держаться с достоинством, а слезы сами льются по лицу. Я почти рыдаю, меня всю трясет, и не разобрать отчего больше, от страха за свое будущее или от потрясения.

Любимый человек предал.

Оставил в трудный час.

И сейчас стоит напротив меня, в проеме двери, и гнусно ухмыляется.

— Мать всегда говорила, что ты мне не ровня, — отвечает он, зачем-то рассматривая стены таверны.

Моей таверны, которой приходил конец.

Я разорена — это я осознавала очень четко. Чтобы поправить свои дела, я обратилась к самому близкому человеку и получила вот это. Презрение, насмешки и предательство!

— Ты слишком легкодоступная, а значит, блудить будешь.

— Что?! — выдохнула я. А сама снова чуть в обморок не упала. — Что?!...

Грегори осклабился. Глаза его сделались мерзкими, сальными.

— Ты же мне дала, — ответил он без обиняков. — Раздвинула ножки. А мы ведь еще не женаты.

— Но ты... — пробормотала я. — Ты обещал, что мы по-

женемся... в ближайшие праздники...

— И ты поверила? — презрительно произнес он. — А другой тебе посулил бы золотой, и ты тоже юбку б задрала, дура?

Намек был слишком грубый. Грегори почти что обозвал меня проституткой, падшей дешевой женщиной, и этого я уже не могла стерпеть. Как бы ни была растоптана и растеряна.

Подлетев, я влепила ему пощечину, вложив в этот удар все силы, что у меня остались. Да еще и ногтями вцепилась в его лицо, и Грегори с воплем отскочил от дверей. На щеке его багровел кровоподтек, веко было разодрано моими ногтями. Кажется, я надолго его украсила...

— Дура, дура! — злобно проорал Грегори, закрывая побитое лицо ладонью. — Взбесившаяся сука!

— А ну, пошел отсюда! — гневно выкрикнула я, хотя поджилки тряслись. В руках моих неизвестно откуда взялась сковорода, и я замахнулась ею на бывшего жениха. — Не то покалечу! Мне терять нечего, и если уж ты обрекаешь меня на голодную смерть, я тебя с собой заберу!

— Гадина, — прошипел он, злобно сверкая неповрежденным глазом. — О-о-о, погоди! Небом клянусь: скорее, чем заживет синяк, я этот хлев куплю! А ты... тебе действительно лучше его поскорее продать и убраться из города! Не то очень скоро ты пойдешь по рукам! Спокойной жизни у тебя

не будет, уж поверь мне. И тебя истаскают так, что от красоты, которой ты так кичишься, ничего не останется!

— Вон! — проорала я в отчаянии, потрясая сковородой. В глазах потемнело, я ухватила руку за стол, чтобы не упасть.

— Волосы что шелк, — издеваясь, продолжал Грегори, боязливо отступая от меня бочком, — кожа что атлас! Ты слишком много о себе возомнила...

— Вон! — взвизгнула я, теряя остатки самообладания.

Грегори, сжав зубы, ухватил лавку, на которой стояли, просыхая, глиняные горшки, в которых обычно подавали кашу и печеную тыкву гостям, и перевернул ее вместе со всей посудой.

Все полетело на пол, все разбилось, по последней чашки.

— Вот тебе, — мстительно выдохнул этот засранец. — Считай, одолжение я тебе сделал. Теперь варево твое не в чем готовить будет. А значит, и думать не надо, продавать этот сарай или нет.

В глазах моих защищало от едких слез. Они были словно яд, и я боялась, что просто мне глаза выжгут, чтобы я не видела этого мира, этого подлеца, что не только мне сердце разбил, но и саму жизнь растоптал, каблуком разбивая осколки.

— Никуда я не поеду! — выдохнула я злобно, сжимая кулаки. — Не хочешь помочь — да и не надо, сама справлюсь! Кажется, ты позабыл, мальчик, на чьи денежки существовал до сих пор? На мои! И если уж я могла тебе купить новые

штанишки, то уж пару горшков точно не проблема!

— Ну-ну, — повеселев, ответил Грегори. Кажется, он был осведомлен о моих финансовых делах намного лучше, чем я думала... — Когда перебесишься и все же решишься пойти в дом терпимости к Толстой Елене, я первый приду купить тебя. Ох, и нахлещу я твои гладкие бока плетью!.. Это стоит дороже, чем просто отодрать девку. Повеселимся знатно!

Я кинулась, схватила половинку разбитого горшка и метнула ее в Грегори.

Тот увернулся, горшок попал в косяк и разлетелся в куски. А сам Грегори, хохоча, довольный собой, выбежал прочь. Силы покинули меня окончательно, и я со стоном опустилась на лавку, навалилась грудью на стол, уронила голову на руки и горько расплакалась.

— Как лихо вы его, госпожа, — испуганно прошелестела служанка. Она робко заглядывала в пустой зал, тараща большие глазищи. — Я даже глазам своим не поверила, на вас ведь это совсем не похоже. Давно б этак! Эх...

— Ах, Бибби, — простонала я. — Ну, хоть ты-то меня пощади! Не стыди хотя б сейчас!

Бибби сконфузилась, замолкла и принялась собирать осколки битой посуды. А у меня появилось время, чтоб перевести дух и собраться с мыслями.

И, наконец, осознать, кто я и как сюда попала.
Да, да.

Малышка Бибби удивилась тому, как ее хозяйка реши-

тельно разделалась с бывшим женихом. Ведь Мари, хозяйка таверны, никогда бы себе этого не позволила. Но ее хозяйки уже в живых не было.

А я как-то заняла ее место.

Я совершенно четко помнила, что еще вчера готовила огромный банкет для очень важного человека. Изысканные закуски, дорогие блюда. Все по высшему разряду. От волнения то и дело темнело в глазах, но я списывала это на усталость. Думала, закончу с банкетом, и потом отдохну. Сутки минимум просплю.

А пока меню, улитки в сливочном соусе, луковый суп с сыром в порционных горшочках, артишоки...

Кажется, я присела на кухне на минутку. Все было почти готово, официанты сновали туда-сюда, вынося блюда в зал, а мне оставалось только приглядывать за поварами, чтобы не пережарили ингредиенты к заправке.

Я присела, в глазах снова потемнело. Кажется, и голова закружилась. Я почувствовала, как падаю, словно во сне, но только проснуться и остановить падение я не могла. Все звуки слились в один сплошной гулкий шум.

А потом я вдруг вынырнула из этого состояния, словно меня кто выдернул из затягивающего водоворота, и увидела перед собой этого... Грегори.

Увидела и... проросла знаниями о том, кто я, кто он и что происходит.

Вот так запросто, словно кто-то в мою голову вложил все-

все до последней крупички, что составляло чью-то чужую жизнь.

Впрочем, почему же чью-то. Мою.

Мою новую жизнь, ведь отныне я не Мария Викторовна Степанова, успешный шеф-повар гламурного ресторана, а Мари Лино, хозяйка крохотной таверны.

Красивая, молодая, но совершенно глупая пустышка Мари, которая, впрочем, неплохо вела свои дела. Ровно до тех пор, пока в ее жизни не появился этот Грегори.

Таверна стояла на очень хорошем месте, на перекрестке дорог почти в центре городка, и приносила неплохой доход, у Мари были и слуги, и повара, а она лишь считала денежки.

Грегори был одним из местных красавцев. Все знали его мать — склочную, высокомерную старуху, расчетливую и жадную. А сам Грегори давненько жил не здесь, а в столице. Поговаривали, что там он обучался всяким премудростям, вроде как врачом хотел стать. Дело хорошее, благородное; да только сам Грегори таковым не был.

Яблоко от яблони падает недалеко.

Он был сын своей матери, такой же хитрый и расчетливый.

Вернувшись из столицы, важный, разодетый как граф, он горделиво вышагивал по улицам родного городка, заправ нос. Ладный, пригожий, он легко нравился девушкам, но жениться ни на одной не спешил. Местный лендлорд не стал бы родниться с новоявленным ученым врачом, а дочери ко-

жевенников, фермеров и прочих ремесленников Грегори не интересовали.

Мари он увидел на ярмарке, когда та покупала новую посуду в свою таверну.

Ах, как подвела ее красота! Молодой человек, который высокомерно велел называть себя не иначе как лорд Грегори, и не посмотрел бы на хозяйку таверны, если б она была стара или просто дурна собой.

Но бойкая юная Мари, с ее рыжевато-золотистыми кудрявыми волосами, с зелеными глазами, с румяными щеками, с кожей, блее, чем сметана, привлекла его внимание, и он вцепился в нее как клещ.

Наверное, в первые дни Грегори испытывал к милой Мари какое-то подобие влюбленности или страсти. Но очень и очень недолго.

Собственно, он и являлся причиной того, что некогда процветающее дело Мари потерпело крах.

А сама она постепенно осталась без слуг — платить-то им стало нечем, — без поваров, без новых ярких платьев и здорово поиздержалась. Принимать ухаживания такого важного господина, как лорд Грегори, оказалось делом очень дорогим. Грегори то и дело капризничал, обижался, и прощал свою пессию только после поднесения очередного подарка.

Иногда он начинал рассуждать о браке, прикидывая так и этак, на ком же ему жениться, ведь предложений породниться куча! И Мари, замирая от отчаяния и любви, боясь поте-

рять своего возлюбленного, отказывалась от покупки сыров, молока, зелени для таверны. Она брала свои деньги и покупала Грегори какую-нибудь дорогую безделушку или новую сорочку.

И он, так и быть, прощал ее.

Ее супы становились все жиже, все бледнее. Масла-то в них давно никто не клал!

Грегори разливался соловьем о счастливой совместной жизни и говорил, что из столицы вот-вот придут его вещи, и среди прочих — сундучок, полный золота. Это золото Грегори обещал вложить в общее дело, в таверну.

— Эх, и заживем! — говорил Грегори, довольно вертясь перед зеркалом в дорогой обновке, что купила ему Мари.

Скоро Мари стало в тягость содержать любимого. Она похудела, обносилась, потускнела — себе-то она не так много покупала! А Грегори все не делал ей предложения.

Его речи были все так же заманчивы и полны розовых грез, и Мари ужасно хотела, чтоб все сбылось как можно скорее.

А потому решилась на отчаянный шаг. Она отдалась Грегори, когда он вечером зашел к ней по обыкновению и снова завел разговор о счастливой семейной жизни.

Но ночь любви обернулась ужасом.

Для начала, Грегори оказался жестоким и ужасным любовником.

Мари прокричала всю ночь, истерзанная его бесцеремон-

ными руками. Меж ног у нее все горело, потому что Грегори не особо заботился о том, чтобы доставить ей удовольствие и возбудить девушку, чтоб не травмировать ее. Он делал свое дело быстро, молча, и иногда Мари кусала до крови губы, чтоб не кричать, так страшно ей было.

Грегори, мучая ее, довольно хрипел, а глаза его сверкали совершенно ненормальным блеском.

Он знал, что ей больно и страшно, но это его не останавливало. Он зажимал ладонью ей рот и тихо, страшно смеялся, продолжая ее терзать и мучить.

После этой ночи, поутру, Мари даже не слышала, как он ушел. Прележала три дня в беспамятстве, потрясенная и истерзанная. А Грегори больше не появлялся.

И вот, в день, когда нечем было заплатить мельнику, чтоб купить хоть немного муки для выпечки, Мари, хоть и со страхом, послала посыльного к Грегори, чтоб попросит денег. Хотя б в долг.

Посыльный вернулся без денег, а позже пришел сам Грегори, но лишь затем, чтоб унижить и наговорить пакостей.

Я тогда поняла — точнее, поняла Мари, — что насиловал он ее из мести. За то, что так долго берегла свою честь. Глупая Мари не хотела расставаться с главным своим сокровищем, а Грегори, говорят, с кем-то поспорил на деньги, что окрутит эту дурочку в неделю.

Но шли месяца, а Мари не сдавалась. Грегори проиграл круглую сумму; и потому был так жесток и груб с Мари, ко-

гда она, наконец, решилась.

Кажется, это знание и прикончило бедняжку.

«Еще бы, — подумала я, перебирая в памяти все эти осколки чужой, а теперь моей, жизни. — Мари долго недо-едала, была измучена, испугана, еще и изнасилована. Сердце не выдержало. Умерла, освободив место мне в этом мире. Как жаль ее, бедняжку! В своей короткой жизни так и не повидала счастья...»

— Ну, Грегори, — выдохнула я, отбросив с лица спутанные, потускневшие волосы, которые когда-то были золотыми, — я отомщу! Небом клянусь и своим сердцем, таверна тебе не достанется! Уж я что-нибудь придумаю! Я вывернусь! Но из города не побегу, и шлюхой не стану! А ты ответишь за каждую слезинку глупой Мари!

Глава 2. Приданое Мари

— Снова сегодня пустая похлебка, — уныло сообщила Бибби. — Я нашла свиную шкурку, хоть немного навару будет... А капусты вот совсем нет. Репой обойдемся.

Я с трудом встала. Надо быть сильной, надо быть сильной, твердила я себе. Куда б меня ни занесло, мне нужно прежде всего выжить! Но как тут будешь сильной, если в животе с голода бурчит?

— Схожу в лесок, — как можно небрежнее сказала я. — Грибов поищу на суп. К моему приходу приготовь ванну мне. Надо смыть... все это.

Бибби с трудом разогнула натруженную спину и уставилась на меня своими огромными, на пол-лица, глазами.

«Такая юная, а уже изработанная, измученная», — с жалостью подумала я, рассматривая служанку.

Бибби была худой, очень худой. Если б не болезненная угловатая худоба, девушка была бы хорошенькая. Но тяжелая работа и скудная плата сделали ее такой — несчастной, похожей на тень.

Бибби была сирота; и, поступив на работу в таверну Мари, вверила хозяйке свою жизнь. А теперь и погибала с ней, потому что идти ей некуда было. Разве что в тот же публичный дом; и, скорее всего, Бибби пойдет туда, склонив послушно и стыдливо голову. Бедная послушная девочка...

На глаза мои навернулись слезы, и я накрепко сжала зубы, чтоб не разреветься от жалости и стыда. И эту юную жизнь погубил Грегори, заморочив голову глупой Мари! Впрочем, разве он думал об этом?

— Грибов? — с ужасом произнесла она. — Да что вы, право слово! Не сошли ли вы с ума, госпожа Мари?! Кто ж вас впустит в лес?

— Ах, да, — слабо вздохнула я. Память подкинула мне подсказку; вся земля принадлежала лендлорду, и он сдавал ее фермерам. Лес тоже; и все более-менее хорошие куски он роздал местным охотникам.

Остался лишь один, почти около самого города.

Все бы ничего, чистый лесок. Но раньше там, в старой хижине, жил иноземец, и поговаривали, что был он колдуном. Чем жил — неясно. Только и не голодал он. Раз в месяц ездил в столицу, возвращался с огромными деньгами.

Иноземца этого убили года три в пьяной драке. Дом его растащили по бревнышку — кто ж откажется от дармового добра?

Только и лес обрел дурную славу. Много людей отравилось там непонятно чем; и то место стали обходить стороной.

— Они были просто деревенские дурачки, которые не могут отличить хороший гриб от поганки, — решительно ответила я.

— А вы, стало быть, можете?!

— Могу.

— Ах, госпожа Мари, не задумали ли вы дурного?! Неужто самоубийство затеяли?! Это грех, огромный грех! — Бибби сцепила руки на груди. В ее полудетских глазищах загорелось отчаяние. — Ну, будет вам! Подумаешь, беда какая, жених бросил! Может, действительно продать этот дом, переехать, где вас не знает никто? Вы ж сами хвалились, что у вас приданое есть!

— Помолчи, — прикрикнула я на нее. — Ерунду какую несешь. Я просто есть хочу. Наберу грибов и приду.

— Я с вами тогда, — отчаянно воскликнула Бибби, отирая руки о ветхий, серый и грязный передник. — Пропадем, так уж вместе! Все равно податься мне некуда!

— Да не собираюсь я пропадать, — запротестовала я. Но Бибби, это отчаянное и преданное дитя, уже бросилась к себе в каморку, чтоб накинуть плащ.

— Только не уходите без меня, госпожа! — прокричала она.

А я присела и задумалась.

Приданое, да... приданое имелось.

Глупышка Мари собирала его с любовью. Но много ли она набрала, с Грегори-кровопийцей на шее?..

Память мне услужливо подкинула место, где у Мари был тайник, и припрятанный там сундучок. Конечно, он не был полон золота, нет. Денег там было совсем немного, ровно десять золотых. Как раз, чтобы уехать и начать новую жизнь скромно и тихо. Может, так и сделать?

А Бибби? Ее кинуть? Двоих мне не прокормить. Домишко самый простой будет стоить мне от пяти монет, и это если повезет. Могут запросить и все десять. Да утварь, да постель и одежда...

Я прикинула, а не потратить ли эти деньги на таверну. Нет, слишком мало... Если и хватит на посуду, то на продукты для гостей уже нет. Комнаты сейчас сдавать не сезон. Никто осенью к нам не едет. Осень у нас неприветлива и холодна...

Помимо денег Мари припасла новые скатерти, постельное красивое белье да большой отрез на свадебное платье с длинным шлейфом, прекрасный зеленый бархат. Она хотела вышить на нем апельсиновые цветы и светлые листья по подолу, а из белого тонкого шелка пошить нижнюю красивую рубашку. Но вот не сбылось...

Еще был сервиз из самого тонкого, полупрозрачного фарфора, очень дорогой и очень изящный. Мари купила его, подчинившись внезапному порыву, хоть он был и ужасно дорог. Тогда ей очень хотелось семью, чинную и с достатком жизнь. А из сервизных чашек она попивала б чай, как важная госпожа!

Размышления мои прервала Бибби, прибежавшая обратно с корзинкой и с моим плащом.

— Я готова, госпожа! — пролепетала она. — Идемте. Только давайте поскорее, а то уже темнеет. Я не хочу, чтоб нас волки съели, или недобрые люди застигли. Все-таки, гри-

бы этого не стоят!

Несмотря на дурную славу, лес был все-таки чудным. Прозрачный по-осеннему, приветливый. Воздух тут был свежее, холоднее, острее чувствовались запахи, и у болезненно-бледной Бибби даже щеки покраснели.

Справа и слева кусок земли, когда-то принадлежавшей иноземцу, ограничивался крепким забором. То соседи отгородили свои угодья от его, чтоб какая зараза колдовская не пристала.

Впереди виделся какой-то серый холм, поросший редкой рыжей травой — все, что осталось от дома иноземца.

А прямо у дороги кто-то очень хитрый порубил деревья, и их пни встопорщились маленькими опятами и маслятами!

— Ну, вот видишь, — ободряя девушку, произнесла я. — И ничего страшного тут нет. Наберем грибов и уйдем. Уж опята от поганок отличим?

Бибби не отвечала.

Трясаясь, как осиновый лист, она торопливо срезала грибы, желая только одного — поскорее убраться отсюда, пока люди лендлорда нас не застукали за воровством и не высекли, опозорив на весь город.

Я же отошла чуть дальше, к деревьям. Хотела поискать груздей. Быть может, мне удалось бы насолить их впрок?..

Но не успела я и углубиться в лес, как услышала подозрительное хрюканье. Какой-то мелкий зверь возился и разры-

вал землю у самого забора. Там подгнила и разрушилась доска, и звереныш пролез в образовавшуюся дыру.

Совсем маленький дикий кабанчик, присмотревшись, поняла я.

Странно. Дубов тут нет, желудей тоже, зачем же он сюда залез? Что он там роет?

Рискуя быть разорванной в клочья мамашей мелкого свина, я осторожно приблизилась к нему и встала, как вкопанная! Потому что в наступающих сумерках я увидела такое, что голова кругом пошла.

Мне показалось, что все это — таверна и Грегори, — мне приснилось. А сама я стою на колхозном поле над грядкой с картошкой. И кто-нибудь сейчас грубо крикнет: «Ну давайте живее, осталось немного!»

Картошка?!

Никаких сомнений быть не могло. Она росла тут в изобилии, вся земля бугрилась из-за крупных клубней, почти вылезших наружу. Плети ботвы висели пожухлые, но еще зеленые, и это определенно была картофельная ботва!

И все бы хорошо, только был один ма-а-аленький нюанс: тут, в этом городе, в этой стране, картошки не росло. Никогда.

Никто из местного населения никогда не пробовал картофель. Не знал картофель. Суп не варил с картофелем.

— Так вот чем они травятся, — пробормотала я, срывая алый вызревший плод с поникшей ботвы. — Думают, это

ягода, едят и травятся!

От звука моего голоса мелкий свин взвизгнул и рванул со всех копыт прочь, в ту самую дыру в заборе. А я упала на колени и ножом взрыла землю, умоляя небеса, чтоб мои догадки были верны. Только б это была картошка! И тогда голод нам не грозит!

И это оказалась она, родненькая!

Но кроме нее мелкий свиненыш преподнес мне еще один подарочек.

На самом деле, раскапывал он вовсе не картошку. В земле, словно комья грязного снега, сбитого в маленькие шарики, сидели трюфели. Невообразимо прекрасные, свежие и остро пахнущие трюфели!

— Быть не может! — прошептала я, дрожащими руками выкапывая гриб. — Это же настоящее сокровище!

Так вот чем занимался таинственный иноземец! Вот на что он жил, вот что продавал в столице! Продавал заморские корнеплоды и редкие грибы!

— Госпожа, все с вами хорошо? — подала голос испуганная Бибби. — Я набрала грибов, много! Идемте!

— Сейчас! — отозвалась я.

Ножом я накопала картошки, которая так и перла из земли. Видно, ее давно никто не выкапывал, она росла сама по себе, зимовала под толстым слоем листьев и снегом, и по весне прорастала снова.

Осторожно взяла и трюфель. Дома рассмотрю его как сле-

дует. Может, мне показалось? Может, это вовсе не дорогой редкий гриб, а вросший в землю мухомор?

Но интуиция говорила, да что там — кричала! — что я права.

— Что это за коренья, госпожа? — испуганно спросила Бибби, глядя, как я наполняю корзинку огромными клубнями. — Отравя? Вы что, отравить Грегори задумали?! Да что ж такое! Я-то ведь здесь для того, чтоб не дать вам натворить глупостей!

— Никого я ну буду травить, — огрызнулась я, засыпая свою добычу грибами Бибби. — Много чести!.. Давай, не болтай, а шевелись поскорее. Еще ужин надо приготовить.

Полил дождь, и мы мигом промокли до нитки. Но нам непогода была на руку; кто в такой ливень пойдет смотреть, куда это тащатся две нищенки, и что у них в корзинке?..

...В таверне Бибби, продрогающая до костей, тотчас пошла растопить очаг, а я поспешно вытряхнула свою добычу на разделочный стол. Картошка не вызывала у меня сомнений, а вот трюфель нужно было осмотреть хорошенько. Может, я ошиблась? Но нет. Разрезав его, я увидела знакомые прожилки, вдохнула чарующий аромат этого гриба. У трюфеля самый необыкновенный вкус и запах. В нем соткались воедино ароматы лесной земли с прелыми листьями, жареных грецких орехов и ягод. Неповторимый, слегка дурманящий, с легким привкусом лаванды и ванили, напоминающий фруктовый, таинственный аромат.

— Кем бы ни был тот погибший иноземец, — дрожащим голосом произнесла я, — спасибо ему за этот роскошный подарок! Он спас нас! Он нас спас!

Я просто задыхалась от восторга. Я уже считала эти чудесные находки своими!

Но... господи боже мой, лес-то лендлорда! Как получить разрешение там что-то брать? А все время воровать рискованно. Зачем бы честной женщине таскаться на развалины чужого дома?! Могут и в колдовстве заподозрить, и сжечь как ведьму на костре.

— Ладно, ладно, — пробормотала я. — Об этом подумаю потом. А сейчас надо успокоиться и приготовить поесть.

Бибби, помня о моем приказе, побежала готовить мне ванну, а я тем временем поспешно поставила на огонь котел и помыла как следует найденную Бибби в закромах свиную шкурку, поскоблила ее ножом, пока та не стала блестящей, мягкой и розовой.

На ней сохранилось немного сальца — отлично! Я кинула шкурку в котел, чуть посолила. За привычной работой способность здраво мыслить вернулась ко мне, дыхание выровнялось, руки перестали дрожать.

«А что, — подумала я, — если у лендлорда взять в аренду этот кусок леса? Скажу, что буду репу там растить. Думаю, он не откажет. Все равно других-то людей этот кусок леса не интересует. А по поводу меня у лендлорда не возникнет

никаких вопросов. По городу уже наверняка поползли слухи, что я разорена и нахожусь на грани нищенства. Кто, как не отчаявшаяся нищенка, позарится на этот клочок земли? Потихоньку выкопаю все, свезу в таверну. Зиму проживем. А даст бог, сможем и продавать похлебку с картофелем».

Эти мысли мне так понравились, что я даже замурлыкала от радости. А когда я в хорошем настроении, готовить получается особенно хорошо!

Картошку я почистила и нарезала кубиками, насыпала в котел щедро. Это выйдет скорее не похлебка, а густое рагу. И ничего, что вместо мяса тонкая свиная шкурка! Я ее выложила и нарезала аккуратными квадратиками, с тонкой прослойкой прозрачного ароматного салца. Ссыпала обратно в котел, посыпала перцем, добавила небольшой обломочек лаврового листа — какой уж нашелся, — и поставила томиться.

Грибы почистила, помыла, обдала кипятком и поставила варить в отдельной серебряной кастрюльке. Отыскала маленькую сухую луковицу и повядшую морковку... что ж, чем богаты! В огромной бутылки оставалось еще немного гусиного жира, совсем чуть-чуть, с ложку. На нем я сделала зажарку, обжарив лук до золотистого оттенка, и потом — морковку.

Вернулась Бибби.

— Чем это так вкусно пахнет? — подозрительно спросила

она, наблюдая, как я смешиваю отваренные грибы с варевом, и выливаю туда золотистую шкворчащую за жарку. — Госпожа, как красиво вы умеете готовить! Суп просто загляденье! А это что, репа?

Картошка разварилась, суп стал густым. Он кипел, лопались пузыри, жирно чавкая и выпуская пар, золотые кружочки жира украшали его вперемежку с зелеными кружевами трав.

— Репа, репа, — посмеиваясь, ответила я. — Ну, давай миску живо!

Бибби поспешно протянула свою миску и ожидала, пока я ее наполню, приплясывая от нетерпения. Варевое было горячим, но все же она ухватила кусочек картошки и, обжигаясь, съела ее.

— Боже, что это такое? — вскричала она, торопливо хлебая еду и поедая ее, как ест очень голодный человек. — Как вкусно! Что за волшебную приправу вы добавили, никогда не пробовала такой чудо-репы!

Я, посмеиваясь, тоже уселась поесть. И некоторое время мы молчали, уписывая похлебку.

Только получив ужин, я поняла, насколько бедная Мари изголодалась. Может, ее дела шли и не так уж плохо, но бедняжка была в таком потрясении, что, наверное, просто забывала поесть в последние дни. Так что насытиться мне удалось совсем крохотной порцией.

Бибби съела и того меньше и сомлела. Уснула, бедняжка,

прямо на стуле, с ложкой в руке.

Но личико ее стало немного розовее, сведенные страдальчески брови разгладились. И во сне она улыбалась совсем как ребенок. Она согрелась и наелась, наверное, впервые за долгие дни.

Я же была немного крепче малышки Бибби, у меня еще оставались силы, чтоб встать и прибрать посуду после ужина. Пока я возилась с мисками, дверь в таверну стукнула, звякнул колокольчик. Какой забытый звук! Давно к нам никто не приходил!

— Хозяева! Есть кто? — окликнул меня грубый голос. — Дьяволова ночь, мрак, холод и дождь! Пустите меня обогреться, обсушиться?

— Можем и ужин предложить, — бойко отозвалась я, хотя сердце мое затрепетало, а руки задрожали. Первый клиент за долгие дни! К нам не ходили уже давно. Знали, что еда у нас помой. — Мы только что сами отужинали, можем и с вами поделиться, если не побрезгуете нашим скромным столом.

Пришедшим оказался старый дровосек. Его уставшая лошадка, запряженная в повозку, понуро стояла во дворе под навесом, а сам он, промокший, кашляя и бормоча под нос проклятья, устроился у пылающего очага и протянул к огню озябшие ладони.

— Погода дьяволова, — повторил он, приняхиваясь. — А у вас вкусно пахнет, сударыня. Очень вкусно. И отчего о

вашем заведении говорят, что тут дурная кухня?

— Ах, — горько ответила я, поставив на стол свою только что вымытую тарелку. — И не спрашивайте! Скажу только, это полностью моя вина. И мне много придется поработать, чтоб это исправить.

Дровосек промолчал, поглядывая на меня из-под кустистых бровей. Пока я наливала ему похлебку, он смотрел на пляшущий огонь, а потом вдруг сказал:

— Ты одна, девонька. И вступить за тебя некому, ни отца, ни братьев нет. Да и с советом помочь некому, мать тоже померла. Не вини себя, оступиться может каждый!

— У вас доброе сердце, — буркнула я, отвернувшись, чтобы он не увидел моих слез. — Спасибо!

— Если я чем-то могу помочь, — продолжил он, — то не стесняйся. Только скажи. Я могу хворосту тебе привезти... просто так. Да вот, у меня как раз лишняя вязанка есть. Бери ее!

И он сбросил со спины поклажу, перевязанную веревками вязанку хвороста.

Я уж было хотела отказаться от его помощи, но тут картофельное поле снова всплыло в моей памяти. Повозка с лошадкой мне были б очень кстати, когда буду перевозить урожай!

— А что, — ответила я. — Пожалуй! Тогда ужин с меня бесплатно!

— Ганс, — представился мой ночной гость. — Меня зо-

вут Ганс Лесоруб. Все меня знают. Всяк тебе укажет на мое жилье, если я понадобится!

Мое варево ему понравилось. Он ел, и его лохматые брови от удивления взлетали все выше и выше. Глаза у него оказались голубые, как небо, и очень удивленные.

— Это что за еда такая? — осторожно спросил он. — Понять не могу никак.

— Не понравилось? — притворяясь огорченной, произнесла я.

— Да наоборот... но понять не могу, что это такое я ем!

— Такой сорт репы, — соврала я. — Очень редкий. Выращила в своем саду.

Старик прищурился. По его виду было понятно, что он не верит мне ни на грош, но спорить не будет. Это моя тайна, в конце концов.

За семь медяков я сдала ему крохотную комнату наверху, переждать ночную непогоду, а сама поднялась в свою, чтобы наконец-то принять ванну.

Она почти остыла, была еле теплой, и пришлось возиться еще, чтоб нагреть воды.

Безо всякой жалости я разорила сундучок с приданным Мари, выудив из него кусок ароматного мыла — видно, бедняжка хотела начать новую жизнь замужем чистой и благоухающей, как важная госпожа.

В теплой воде я стерла этот кусок чуть не полностью, яростно намыливая отощавшее тело, волосы, стараясь смыть

с себя не только пот и грязь, но и беды, невзгоды, и тягостные воспоминания о Грегори.

Не знаю, как вела бы сейчас себя Мари, но моя деятельная натура не терпела бездействия. Разум мой кипел. Я привыкла всего добиваться сама, и все, чем я занимаюсь, всегда должно быть самого лучшего качества! Эта таверна не была исключением; темная и грязная, она должна была преобразиться!

Да я из нее конфетку сделаю! И ничего для этого не пожалею!

Если уж судьба меня сюда закинула, если уж мне тут предстояло жить, то надо цепляться за то, что небо послало в руки, и не растерять ничего, даже самой крошечной монетки.

От тепла разгорелись мои щеки, глаза стали ясными, волосы перестали походить на серые драные лоскуты.

— Уехать? — спросила я саму себя, разглядывая хорошенькое личико в круглое небольшое зеркальце. — Да как же не так! Я дам тебе бой, проклятый Грегори! Ты пожалеешь о своих поступках и о своих гадких словах тоже!

Покинув ванну и завернувшись в простыню, я вычесала волосы, которые, высохнув, снова начали виться на висках и поблескивать золотом. Обсохнув, оделась в ночную сорочку и старый халат с бархатным воротом. В комнате было холодно, непогода быстро выдула все тепло из дома, очаг почти погас, и я спустилась вниз, чтоб подбросить в прогорающие

угли хворосту. В конце концов, у меня постоялец! Негоже ему мерзнуть!

Бибби все так и спала на стуле, выронив из ослабевшей руки ложку. Сытный ужин сразил ее повернее тяжелой работы, бедное дитя даже похрапывало, удивленно раскрыв рот во сне. Вот кто намаялся-то... Худенькая, бледная, в чем только душа держится? Одежка худая и грязная, чепец похож больше на раскисший рваный мешок, волосы тусклые и серые... Не удивительно, что из ее рук и еду не хотели принимать, обзывая ее больной и чахоточной.

Сколько насмешек и грубых, злых слов она вытерпела за свою доброту?

Сколько раз ее отталкивали те, кому она кротко подносила ужин?

— Ну, ничего, — посмеиваясь, шептала я. — Ничего! Мы с тобой справимся, малышка.

Словно услышав мои мысли, Бибби вздохнула и проснулась, сонно потягиваясь.

— Хворост! — удивленно воскликнула она, увидев разведенный огонь. — Откуда?!

Она снова с видимым удовольствием потянулась, раскинув руки в горячем воздухе.

— У нас постоялец, — весело ответила я. — Расплатился медяками и хворостом.

— О-о-о! — обрадовалась Бибби. — Небо да сжалилось над нами!

— Ты вот что, — задумчиво произнесла я, оглядывая зал.
— С утра сходишь в город, наймешь женщину за пару медных. Нам надо бы отмыть тут все. Выглядит зал не очень; нипочем не стала бы тут есть. Вот и люди не хотят. А как приведем все в порядок, так, глядишь, и клиенты потянутся.

Бибби тотчас перестала улыбаться, ее губки сквасились.

— Пара монет! — воскликнула она. — Зачем деньги платить?! Уж лучше я сама...

— Сама! — весело передразнила я, ощущая какой-то азарт, ликование. — Нет уж, на тебя у меня другие планы... А ну-ка, пошли! Тоже вымоешься как следует!

— Зачем это? — подозрительно спросила Бибби.

— Хочу, чтоб ты была красива, весела и приветлива с теми, кто придет в нашу таверну, — ответила я. — Приветливой служанке и чаевые давать будут веселее! Ну, марш в ванну. И чтоб смыла со своей мордашки это несчастное выражение!

Бибби подчинилась; а пока она домыливала драгоценный кусок мыла, я снова решительно залезла в сундучок с приданым Мари.

Без всякого сожаления я вытащила и атлас, и бархат, припрятанный Мари для свадебного платья.

— Это должно было быть особенное платье, — мстительно шептала я, рассматривая красивую материю. — Такое, какого достоин сам лорд Грегори... и что же такое с ним станет, ай-ай? А его служанка носить будет, прижимая к груди

кружки с холодным пивом!

Бибби появилась в дверях, как привидение, бледненькая, но чистая, в новой ночной рубашке.

— Это теперь твое, — решительно произнесла я, кинув ей на руки ткань. — Завтра же иди к портнихе, закажи себе новую сорочку и платье. Знаешь, такое красивое, до колен, с широкой юбкой. И чулки покрасивее купи! Полосатые, со стрелками. Теперь так модно.

— Но это же, — прошептала потрясенная Бибби, рассматривая сияющий в ее руках атлас. — Это же ваше свадебное... Да и много тут для одной меня.

Она подняла на меня глазища, полные ужаса. Наверное, подумала, что я от горя умом тронулась.

— Много — остаток вернешь. Нет свадьбы — нет и свадебного наряда, — жестко сказала я.

— Но не получилось с Грегори, — тихо прошелестела Бибби несчастным голоском, — так найдется другой человек, добрый и порядочный...

— Вот как найдется, так и о подвенечном наряде подумаю, — ответила я. — Может, такого жениха отхвачу, что и платье придется шить из серебряной парчи!

Подумав, добавила Бибби один золотой из запасов Мари. Девушка поймала его на лету и крепко зажала в кулачке.

— Будем наши дела приводить в порядок. Или ты хочешь кончить на панели?

Бибби испуганно затрясла головой.

— Значит, будешь делать то, что я велю, — распорядилась я.

— Но на какие же деньги, — прошептала она, прижимая свои сокровища к груди. — Чем мы будем кормить постояльцев?!

— Это моя забота, — ответила я, поднимаясь. — Я уже все придумала. А ты давай, наедай румяные щеки! Те деньги, что останутся сдачей от работы портнихи, потратить на шоколад и булки. А сейчас спать! Ты мне нужна красивая, как вывеска!

Бибби пискнула и рванула со всех ног в свою комнату, одуревшая от грядущих перемен.

Глава 3. Первые успехи

Поутру я поднялась рано, так рано, что Бибби еще спала у себя.

Одевалась я сегодня с особым тщанием, в простое, но чистое и скромное платье из тонкой черной шерсти, с белым кружевным воротничком. Свои золотые, гладко убранные волосы я спрятала под льняной чепец.

Легкомысленная Мари не любила это платье, хотя оно очень хорошо сидело на ней и было очень хорошо пошито. Она купила его по случаю, чтоб ходить на рынок. Но платье стоило ей слишком много, его было жаль пачкать об овощи и рвать о прутья корзин. А иного повода надеть его у нее не было.

Вот и валялось оно, ненужное, позабытое.

— И очень кстати! — пробормотала я, рассматривая себя в зеркале. Вид мой мне понравился, я покусала губы, чтоб они были ярче, и со вздохом вытащила из сундучка свой кошелек с заработанными медяками и золотом. Мне предстоял поход к лендлорду, и я собиралась вернуться победительницей!

Вчерашний мой постоялец тоже поднялся и готовился отправиться в путь.

— У вас сегодня есть шанс отплатить мне добром за добро, — сказала я, спустившись с лестницы и представ перед

стариком. Слишком поспешно я потребовала плату за свое гостеприимство, ну, да и черт с тем! — Не отвезете ли меня к лендлорду?

Старик хмыкнул, с интересом рассматривая меня.

Интересно, что за мысли промелькнули в его голове?

Наверное, он подумал о том, что терять мне больше нечего, и я хочу предложить себя лендлорду. Но одета я была неподобающе для такого случая...

— Хочу землю попросить в аренду, — с вызовом пояснила я, глядя, как старик оглядывает меня. — Буду выращивать ту самую чудо-репу, что вам так приглянулась.

— Дело хорошее, — похвалил старик. — Но только на какие ж деньги, сударыня? Кусок хорошей земли стоит дорого.

— Мне пойдет и самая никчемная, — смело ответила я. — Там уж мои заботы, вырастет ли на ней что-то.

— Можно просто деньги спустить и ничего не получить, — заметил старик.

— Моя репа неприхотлива, — все так же с напором ответила я. — Только поливать надо. А с этим и дожди прекрасно справляются.

Старик рассмеялся.

— Вот так и отвечайте лендлорду, — произнес он, отсмеявшись. — Он любит таких, уверенных в себе и деловых. Ну, идемте! Забирайтесь в повозку, доедем быстро.

Просыпающийся город, несмотря на непогоду, был красив и хорош.

С интересом я рассматривала его, хотя, казалось, знала тут каждый камешек, и любой переулок мне был знаком с детства.

Брусчатка была ровная, без щербин, чисто выметенная, сонные домики горожан — чистенькие и опрятные. Да, не то, что моя таверна. Разглядывая жилища горожан, я испытала укол стыда, хотя, конечно, моей-то вины в том, во что превратилась таверна, не было.

Люди вон живут, как-то справляются с заботами, и жилье свое содержат в порядке.

Одна только глупышка Мари оценила любовь Грегори дороже своего родного дома и очага...

Так ли уж она виновата? Вероятно, сердце ее было более страстное, чем у прочих женщин этого города. Она и жизнь свою потеряла, поняв, что ее любви не суждено сбыться.

Я снова вздохнула, сожалея о глупышке Мари, чье поруганное имя мне теперь предстояло обелить. Да, да!

Невозможно было не заметить, как редкие прохожие, увидевшие меня, либо отводят взгляд, либо глумливо усмеваются, прикрыв для приличия рукавом лицо. История Мари, наверное, уже облетела весь город, Грегори уж постарался, раструбил и о своей победе, и о том, что бросил эту тупую замарашку, которая все свое добро своими руками ему отдала. А теперь воеет, как голодная собака, и, скорее всего, с голоду сдохнет...

От одного воспоминания об этом мерзавце гнев в душе

у меня начинал так кипеть, что становилось душно, и казалось, что меня вот-вот вырвет огнем.

Слезы снова наворачивались на глаза, но я упрямо сжимала зубы, решительно смахивала с ресниц влагу, и думала с прежней настырностью: «Я все равно докажу всем, что Мари Лино не такое уж ничтожество! И вы все над собой будете смеяться, а мне завидовать!»

И только один домик на нашем пути выбивался из общей картины процветания и довольства.

Темный, покосившийся, он как-то сиротливо жался к своему соседу, и огонек в его окнах горел еле-еле. Такой же унылый и запущенный, как моя таверна...

Шестым чувством я ощутила непонятное родство с обитателями этого дома. Наверняка там живет какая-нибудь затравленная, всеми покинутая душа, как и я теперь. И мне стало ужасно жаль неведомого жильца, который над огарком свечи ест сухой кусок хлеба на завтрак.

— Кто там живет? — невольно спросила я у возницы.

Старик хмыкнул.

— Не знаешь разве? — удивленно спросил он. — Ведьма старая. Непонятно, откуда притащилась в наши края...

— Пряма ведьма? — у меня от предчувствия опасности в груди похолодело.

— Ну, кто ж ее знает, — уклончиво ответил старик. — Только страшна она и грязна. Работать уж не годится. Перебивается подаяниями; а иногда, поговаривают, ходят к ней

те, кому надо темные дела обтяпать.

— Наверняка просто несчастная и слабая старая женщина! — воскликнула я. — А ну, останови!

— Это еще зачем? — недовольно пробурчал старик, но просьбу мою выполнил.

— На работу ее найму! Будет полы мне мыть! — ответила я, выбираясь из повозки на мостовую.

Старик осуждающе покачал головой.

— Ох, и рисковая ты, девонька! — проворчал он. — Сама одной ногой стоишь уж за воротами города, тебе б быть кроткой и покорной! А ты все рвешься знакомства водить с кем попало!

— Господь велел творить добро! — отрезала я. — А подаяние — это не грех!

И я решительно направилась к дому.

На мой стук отворила старая, но крепкая еще женщина с недобрим лицом. Значит, с работой у нее не клеится не по причине телесной немощи. Просто не берут. Может, из-за дурной славы, а может, из-за отталкивающего внешнего вида.

Вся ее одежда, лицо были покрыты слоем копоти и саж, видно, не часто эта старуха утруждала себя стиркой и умываниями. Увидев ее, я даже отпрыгнула, и даже пожалела о своем душевном порыве. Ага, пожалела нищенку! А она выглядит, как людоед. Притом голодный.

— Чего тебе? — неприятливо рявкнула она, оглядев ме-

ня острым взглядом. — Плод вытравить или приворожить кого надо?

Я испуганно затрясла головой.

— Нет? Так чего притащилась на мою голову?

— Хотела предложить вам работу, сударыня, — набравшись духу, решительно ответила я.

— Работу! — хмыкнула она. — Это какую же? Нянить детей? К другой я не годна. Слишком тяжело для меня. Руки не те, не держат ни метлу, ни корзину с бельем.

И ослабилась. Фу, ну и ухмылка у нее... Многих зубов не хватает.

— Щетку-то смогут удержать? — холодно осведомилась я. Как только старуха начала капризничать, всю мою робость как рукой сняло. Я думала, что встречу тут несчастное забитое существо, которое будет благодарно за любую помощь, и подспудно боялась обидеть, задеть неловким словом, а она еще и привередничает! Значит, нечего с ней няниться. Или она идет и вкалывает, или пусть катится на все четыре стороны!

— Так чего требуется? — уже мягче спросила старуха.

— Драить, мыть, чистить и скоблить, — отрезала я. — Чтоб все блестело. Ну, сможешь? Заплачу деньгами, едой и кровом.

Старуха хитро прищурилась:

— А, глупая Мари... неужто ты настолько глупа, что не боишься с ведьмой связываться?

— Не боюсь, — ответила я ровным голосом.

— А чего именно я? Чего это ты расстаралась о старушке позаботиться?

— Я от тебя отличаюсь только тем, что моложе и чище, — огрызнулась я. — Хотя кто знает, какова ты, если тебя хорошенько отмыть. Я тоже теперь изгой; люди на меня пальцами показывают. Бывший женишок обеспечил мне тепленькое местечко в публичном доме. Так что таким, как мы с тобой, надо вместе держаться, чтобы выжить и не очутиться в канаве.

— Не боишься, — старуха хитро прищурилась, — что я колдовать буду?

— Не боюсь, — медленно проговорила я, глядя ей прямо в наглые глаза. — Ты же пообещаешь мне не творить зла, так?

Ведьма захихикала.

— А если нет, глупышка Мари? — весело осведомилась она.

— Если нет, — я достала из кошелька золотой и показала ей, — то денег моих не получишь, и катись на все четыре стороны, старая дура. И я тебе не глупышка Мари. Если хочешь со мной рядом существовать, называть меня будешь не иначе как сударыня Мари. Или госпожа Мари. И слушаться будешь; иначе сама тебя взащей вытолкаю, неблагодарная старуха. Это ясно?

Старуха прищурилась и засмеялась, тихо и весело.

— Ох, и характер!.. — произнесла она. — Покажи его раньше, не случилось бы с тобой беды. Что ж, пожалуй, толк с тебя будет, госпожа Мари. Я приду.

— Вот тебе, — я недрогнувшей рукой дала ведьме несколько медяков, о которых так сокрушалась Бибби. — Кусок мыла себе купи, да немного льна. Чепец тебе новый пошьем, этот уж больно страшен.

Ведьма глянула на меня исподлобья, удивленно, как на умалишенную.

— Думаешь, — сказала она с наигранным сомнением в голосе, — если на старую поганку нацепить нарядную шляпку, она перестанет быть поганкой?

— И шляпку нацепим старой поганке, — хладнокровно ответила я, — и кипятком ошпарим, и поскоблим, и, вероятно, юбку почище отыщем. Ну все, жду сегодня у себя!

Я развернулась, перевела дух и твердым шагом пошла к ожидающей меня повозке.

Отчего-то вспомнился мне зеленый бархат, из которого Бибби пошьет себе платье, и остатки которого принесет мне. Смастерить, что ли, и старухе юбку из этих остатков? Старая ведьма в бархате, в котором Мари собиралась выйти замуж за Грегори?

От мысли об этом я зафыркала и подавилась смехом. Так и надо! Все, что касается Грегори, должно быть уничтожено, предано забвению или осмеяно.

— За добро добром отплачу! — крикнула вслед мне ведь-

ма, когда повозка тронулась и мы продолжили свой путь к городской ратуше. — За добро добром!

Я думала, за лендлордом мне придется побегать, ан нет.

В ратуше он сам мне вышел навстречу, словно меня и ждал. И я кинулась со всех ног к нему.

— Милорд, выслушайте меня!

Лендлорд, пожилой, грузный, высокий, посмотрел на меня брезгливо. Да и чего ожидать от важного господина, после того как этот чертов Грегори меня ославил на весь город как доступную и гулящую девку?..

— Чего тебе, девица? — неприветливо буркнул лорд, не останавливаясь. Судя по всему, он не собирался тратить время на такое ничтожество, как я. Может, даже подумал, что я потребую у него защиты от происков Грегори, или вообще, наказания для бывшего жениха. А лорду совсем не хотелось возиться с потаскухой, каковой я являлась теперь в глазах общества. — По поводу судов и тяжб это не ко мне!

— Но мне не нужен суд! — ответила я, семеня рядом и кое-как приноровившись к широкому шагу мужчины.

— Чего же тебе, — снова буркнул лендлорд.

— Я хочу, — задыхаясь от быстрого бега, — арендовать у вас... кусок... земли.

Это, вероятно, было так неожиданно, что лендлорд встал, как вкопанный — я едва не налетела на него, — и круто развернулся ко мне.

— Что?.. — переспросил он, глядя на меня так, словно видел впервые. Наверное, он ожидал от меня плаксивых историй, воплей, просьб и отчаянных рыданий, а не деловых слов.

— Мне нужен, — как можно спокойнее и увереннее, глядя ему прямо в глаза, — кусок земли, милорд. Для дела.

— Однако, — пробормотал лендлорд и качнулся на каблуках. — Но вы же знаете, сударыня, что аренда земли стоит дорого? А я, знаете, не занимаюсь благотворительностью.

— А зря, — дерзко ответила я. — Но я и не прошу у вас ничего просто так. Я не нищенка на паперти. Я готова оплатить аренду вашей земли.

От моей наглости у него прям глаза на лоб покарабкались, чуть под напудренный парик не забрались. Еще немного, и они заблудились бы у него где-нибудь на затылке, и остались блуждать там, среди реденьких седых волосешек...

— Так, — пролепетал он, потерявшись от моего нахальства, — а для какой цели вам земля понадобилась?

— Репу выращивать, — сладеньким голоском произнесла я. — Овощи для моего стола. Я хозяйка таверны, слышали?

— Кажется, дела ваши идут не очень? — уточнил он. — Даже поговаривают, что вы на грани разорения?

— Все так, — ответила я, не тушуясь. — Я и хочу поправить свои дела.

Лендлорд помолчал, снова внимательно оглядел меня.

Наверное, мой вид, чинный и приличный, ему понравил-

ся. А также ему понравилось то, что я не упала ему в ноги, не стала клянчить и рыдать, разливать сопли по подлецу Грегори и не стала жаловаться. И то, что я отчаянно сопротивляюсь судьбе, не желаю сдаваться и идти на панель — тоже понравилось.

— Но сударыня, — с жалостью в голосе произнес он. — У вас просто нет денег на хорошую пахотную землю.

— Я прошу плохую, — тотчас ответила я. — Самую плохую. Ту, которую никто у вас не просит. Клочок леса, где жил этот, иноземец. Все ж его обходят стороной? И прибыли этот лес не приносит, одни убытки. То хворост там поворачивают, то грибы? Так вот на эту землю у меня точно деньги есть.

Лендлорд усмехнулся.

— Не боитесь? Говорят, недоброе это место, — заметил он.

— Не боюсь, — твердо ответила я. — Я не в том положении, чтоб рыдать, падать в обмороки и переживать из-за глупых суеверий. Мне нужна земля для дела, я ее себе присмотрела, и от плана своего не отступлюсь.

— Вы смыслите что-то в стоимости земли? — произнес он отчасти высокомерно.

— Я смыслю в том, — с достоинством ответила я, — что этот клочок может принести вам хоть какую-то прибыль. Например, пять золотых в месяц.

И многозначительно потрясла кошельком.

— Или ничего, — добавила я. — Выбирать вам.

— Обычно цену я назначаю, — улыбнулся лендлорд. Кажется, моя дерзость его начала забавлять.

Я оглянулась.

— Желаете устроить торги между всеми этими собравшимися тут господами? — произнесла я, обведя пустоту рукой. — Думаете, кто-то из них даст вам больше? Что ж, тогда я вынуждена уступить.

Лендлорд уже хохотал во всю глотку, потешаясь над нахалкой.

— Думаю, — произнес он, совершенно смягчившись, — никому их этих глубокоуважаемых господ вашей цены не перебить. Что ж, я согласен. Но только месяц... что вы успеете?

— Для начала расчищу там все. Уберу остатки дома.

— И только? Я буду вам премного благодарен. Но потом аренду тоже надо платить.

— Потом будет потом, — ершисто ответила я. — Потом я немного заработаю и оплачу еще месяц. А пока хворост, грибы — все мое, все в дело пойдет.

«Да к черту твой лес, — думала я. — Выкопаю всю картошку, перевезу в свой погреб, и трюфеля... о, продам их в столице! А потом можешь сам сажать репу на этой полянке!»

— По рукам, — с вызовом ответил лендлорд, свысока глядя на меня. — Но только месяц. Ни днем больше. Я не занимаюсь благотворительностью, я уже говорил. Далее, если оплаты не последует, я заберу у вас право на эту землю.

— По рукам, — не уступая ему, ответила я.

Из ратуши я вышла, размахивая свитком, в котором были прописаны все мои права на никчемный кусок леса. Я чуть не задышалась от восторга, сердце рвалось у меня из груди.

— Вышло! — выдохнула я, прижимая драгоценную бумагу к себе. — У меня получилось!

Настоящая Мари никогда не решилась бы на этот отчаянный шаг. Не стала бы сопротивляться, и землю б не отважилась арендовать, даже если б ей и было что на ней посадить.

Да она и не сумела бы распознать картофель и трюфеля, что уж там.

А теперь главное, чтоб все у меня сложилось так, как я задумала.

Глава 4. Бой за таверну

Когда я вернулась в таверну, было уже далеко за полдень.

Стоял погожий осенний денек, было тепло, поэтому я прогулялась пешком. Дорога не заняла у меня много времени, да и настроение у меня было отличное, поэтому ни усталости, ни подавленности я не ощутила.

Зато Бибби, что встретила меня на пороге, была просто в панике.

— Госпожа! — вскричала она, едва завидев меня. — Это что такое?!

— А? — не поняла я. С какой это стати Бибби меня отваживается отчитывать?!

Но она не отчитывала. Она трагически сдвинула бровки домиком и указующим перстом тыкала в сторону старухи, о которой я совсем забыла.

— Что *это*?! — прошептала Бибби, насмерть перепуганная. — Что *оно* тут делает?!

— Убирается, разве нет? — беспечно ответила я, оглядывая зал.

Старуха, грязная, похожая на разлохматившийся помазок, с подоткнутыми юбками, с ведром и со щеткой в руках, сварливо ворчала, ругалась на Бибби. Однако, плоды ее усилий были видны.

Она отдраила не только пол, но и кое-где заплеванные сте-

ны, ножом отскребла и отчистила деревянные столы, так, что они снова стали желтыми. И все-все-все уголки повычистила, весь мусор повыгребла! Кажется, зал стал намного светлее, просторнее, в нем даже дышать стало легче!

— Кое-кто слишком уж свысока смотрит на людей! — брюзжала старая ведьма, сердито сверкая на Бибби злыми глазками. — С чего бы это?!

— Бибби, в самом деле, — вступилась я за старуху. — Посмотри, как она старалась! Стало же намного чище! Просто великолепно!

— Так она не одна тут все мыла! — вступилась Бибби. — Я тоже помогала! Помогала! И еще одна женщина... я позвала ее, как вы и велели!

— Эта женщина уже ушла?

— Ушла, сударыня! Сделала дело, взяла свою плату и ушла! Сказала, что два медяка — это слишком мало, чтоб целый день тут надрываться.

— Ну вот, а эта почтенная женщина останется с нами навсегда, — ответила я.

— Ханна, — подсказала старуха сварливо.

— Ханна, — повторила я. Бибби всплеснула руками.

— Но она же... — дрожащим голосом произнесла она, красноречиво покосившись на старуху, которая с остервенением чесала седые лохмы. Кажется, у нее вши?

— Отмоем, — категорично ответила я. — Ханна, ты купила мыло, как я велела?

— Самое лучшее, — угрюмо ответила она. — Огромный кусок.

— Ну и отлично, — весело ответила я. — Бибби, мы тут закончим мыть окна, а ты поднимись, выбери одну из комнат для Ханны и приготовь ей ванну.

— Еще ей я ванну не наливала! — ахнула Бибби, всплеснув руками. — Старой ведьме!

— В жабу превращу! — злобно пообещала Ханна.

— Буду квакать под твоими окнами каждую ночь! — не менее злобно пообещала Бибби, ничуть не испугавшись угроз старой ведьмы. — Орать во всю глотку!

Вот что с людьми делает шоколад! А еще уверяют, что от него люди добреют!

Да, Бибби ела шоколад. У нее все губы им были перепачканы, а из кармана передника предательски виднелась яркая обертка.

— Бибби, перестань! — строго одернула девушку я. — А не то выдеру! Марш сию секунду делать то, что велено!

Бибби снова трагически воздела руки вверх и хлопнула себя по ляжкам. Но подчинилась, и ее башмачки застучали вверх по лестнице.

— Что ж, — я еще раз с радостью осмотрела чистый зал, — сейчас я переоденусь и мы вместе вымоем окна. В них красивые витражи; станет не только светлее, но и красивее, когда будут видны разноцветные стекла.

— Дорогие, — оценила старуха. — Должно быть, в свое

время они стоили кучу денег?

У меня сердце сжалось, когда в памяти моей воскресли не мои, чужие воспоминания о том, какой красивой и праздничной раньше была таверна! И какое запустение сейчас...

— Да, — ответила я, с трудом проглотив ком в горле. — Но хватит болтовни. За дело!

Я поднялась к себе, спрятала драгоценную бумагу и сменила черный наряд на свое обычное одеяние, на поношенное платье непонятного цвета и на старый передник. Волосы убрала в узел потуже, чтоб своими веселыми кудряшками не лезли мне в лицо и не мешали, и спустилась вниз, к Ханне.

Та уж старалась вовсю.

Она не только отмыла стены, но и выскребла на лестнице каждую ступень, так, что и песчинки лишней не было.

Исчезли и паутина, и жир, и копоть. Таверна преображалась, становилась похожей на новую, только что отстроенную.

На столы я постелила новые скатерти, те самые, из сундучка с приданым Мари. Безо всякого сожаления и без раздумий.

Я знаю — сама она ни за что бы так не сделала.

Она до конца цеплялась бы за свою крохотную и уютную мечту. За зеленое подвенечное платье. За свежие скатерти для своего стола. Она никогда не рассталась бы с ними, и даже сидя в канаве, нищей и грязной, она не открыла бы этого сундучка.

Но мне на эти скатерти было плевать. Жалеть тряпки, погибая? Вот еще!

— Закончим с залом, — пропыхтела я, волоча очередное ведро с ледяной водой из колодца, — и вымоем все комнаты. Они тоже должны быть чистыми, свежими, в постелях не должно быть ни единой блохи! Застелем свежим бельем, — привет, сундучок с приданым Мари!

— Как прикажете, госпожа, Мари, — покладисто ответила Ханна.

Окна я мыла сама, боялась, что энергичная старуха с ее жесткой щеткой повредит цветные стекла. Да, мне пришлось изодрать на тряпки свою простынь. Но она и так была старой и дырявой. Ничего, посплю на голом тюфяке, набитом соломой! Не заслужила еще на кружева и гусиный пух!

Я оттерла дубовые рамы и витражные стекла, распахнула окна, чтоб выветрить затхлый, застоявшийся воздух, пропахший тысячью неприятных запахов. Свежий ветер ворвался в зал, прокатился холодком по влажному полу.

— Ханна, — сказала я, вдыхая этот ветер свободы, начала новой жизни, — сходи-ка в лесок, в то место, где жил иноземец странный. Это теперь мой лес, не бойся. Срежь там лап елей да цветов каких поздних. Свяжем венки, украсим стены. Пусть лучше тут лесом пахнет, чем кислятиной! Еще грибов набери, на похлебку.

— Обещали накормить, а сами пашете на мне, что на молодой кобыле, — проворчала старуха недовольно. Она очень

устала, потому что трудилась на славу. Да, небольшой отдых ей не помешает.

— На кухню сходи, — разрешила я. — Там в котле остатки варева. Что найдешь, все твое. Ах, да — к Гансу еще зайди. К Гансу Лесорубу. Знаешь, где он живет? Скажи, что завтра его помощь мне понадобится. За плату, конечно. Будем кое-что копать в лесу и сюда перевозить.

Старуху дважды упрашивать не пришлось. Она живо подобрала юбки и рванула доедать остатки нашей похлебки. А я осталась в зале, тихонько присела на чистую лавку, вдыхая свежий воздух, врывающийся в окна.

Что ж, теперь это моя жизнь. Это я осознала в полной мере.

Моя работа, мое дело, которое срочно надо поднять практически с нуля.

Времени поддаваться панике и размышлять, как и за что я сюда попала, нету. Можно, конечно, ночью поплакать, повыкрикивать название ресторана, в котором я была шеф-поваром. Можно еще попробовать призвать дух финдиректора Олега Васильевича и спросить свою зарплату, кому она теперь, бедная...

Но это вряд ли поможет.

Да и сил проделать все эти ритуалы у меня не будет. Боюсь, как только дойду до постели, я упаду и просто усну, еще не долетев головой до подушки.

Внезапно звякнул колокольчик над входом. Посетитель?

К нам? Вот так раз!

Я в панике уж хотела было крикнуть Ханне, чтоб сию минуту вылезла из котла и прекратила пожирать наш суп, оставила посетителям.

Но это были не посетители.

Это Грегори, одетый в раззолоченный камзол, в белых, как сметана, чулках, в новых туфлях и в бриджах в обличку — вероятно, чтоб подчеркнуть свое мужское достоинство, — важный, как индюк на птичьем дворе, притащился в мою таверну!

И с ним была девушка. Девушка в светлом модном платье, в красивой шляпке и... с обручальным новеньким кольцом на пальчике!

И на руке Грегори тоже было такое кольцо.

Помолвлен. Быстро же он нашел себе ту, на которой готов жениться и позабыл о Мари!

И с этой девушкой он не сможет поступить так, как со мной! Она наверняка из хорошей семьи, у нее наверняка есть отец, который в случае чего и отдубасить мог жениха!

А большее всего было то, что на груди девушки блестела брошь, синий дорогой камень в черненой серебряной оправе. Грегори выпросил у глупышки Мари эту брошь якобы себе на галстук — а оказалось, что на подарок этой девице!

У меня во рту стало горько и гадко, словно я хлебнула яда. Каков подлец! Морочил Мари голову, а сам на ее деньги ухаживал за другой!

Даже в груди защемило, да так больно, что я чуть вторично не отдала богу душу. Или в третий раз. Кто ж считает.

Да, я понимала: этот напыщенный Грегори мне и даром не нужен. И никаких добрых чувств я к нему не испытываю, о ревности и речи быть не может.

Но то, что он обхаживает девушку, которая была далеко не так симпатична, как я, но намного богаче, было очень обидно...

— О, — произнесла девица с толикой доброго удивления, обводя взглядом мою таверну, — а тут не так уж убого, как ты говорил. Очень прилично и чистенько.

— В самом деле, — отчасти удивленный, ответил Грегори. — Ну, тем лучше. Не придется сильно раскошеливаться. Скоро я куплю эту таверну, и у нас с тобой будет свое дело. Здорово, правда?

Он прижал ее к себе хозяйским жестом, противно так улыбаясь сладкой, снисходительной улыбкой всесильного хозяина жизни. А меня чуть не вывернуло наизнанку от отвращения.

Подлец, какой же ты подлец! Может, он и разорял меня нарочно, целенаправленно, чтобы по дешевке купить это хорошее местечко, мою таверну, и устроить тут свое заведение?!

Девушка зарделась, смущенно опустила лицо. Это и к лучшему; не то я стала бы невольной свидетельницей их поцелуя, и меня точно вырвало бы от омерзения лягушками и га-

дами!

— Ну, чего ты? — ласково ворковал Грегори, прижимая девушку все интимнее. С глупенькой Мари он таким обходительным не был!

— Я стесняюсь, — пищала красotka, краснея от удовольствия и пытаясь вывернуться из его рук. Очень слабо и неискренне пытаюсь!

— Я все-все для тебя сделаю, — пылко обещал Грегори, сопя от возбуждения. Он смотрел на девушку похотливо, страстно, желая обладать ею. И от этого становился в моих глазах все гаже. — Ты смысл моей жизни!

— А как же она? — ревниво и кокетливо поинтересовалась девица, накручивая локон на пальчик. — Мари? Говорят, у вас с ней было...

Грегори поморщился так, будто она ему под нос тухлую рыбу подсунула!

— Было, — небрежно ответил он. — Разве это может считаться с тем, что будет у нас?

— Так ты любил ее? — не отставала ревнивая девчонка плаксиво.

— Ни единой минуты, — ответил Грегори, не моргнув и глазом. Впрочем, может, он и не врет... — Эта распущенная девица просто вешалась мне на шею. Преследовала меня. И я... пришлось, словом. Из жалости. Сама подумай — кому нужна эта потаскуха-замарашка? На ней никто и никогда не женится.

Девушка все еще делала вид, что сердится, дула губы, а сама улыбалась. Смотрелось это так, словно она ребенок маленький, а Грегори пытается ей всучить конфетку.

— Покупай его уже поскорей, — проговорила она, колу-
пая пуговку на его груди. — Я так сильно хочу свадьбу! А
отец сказал, что пока ты не докажешь свою состоятельность,
о свадьбе и речи быть не может...

Я так и подпрыгнула.

Доказывать свою состоятельность? А как же диплом вра-
ча?! Грегори как будто на него учился? Врач очень важная
и доходная профессия!

Или нет никакого диплома, а все разговоры об обучении в
столице — ложь? И моя таверна — это все, что может пред-
ложить будущий муж своей невесте?!..

Тогда он тем более ничего не получит! Костями лягу, а он
не станет владельцем этого заведения!

— Не многовато ли ты наобещал бедняжке, Грегори? —
насмешливо произнесла я, поднимаясь со своей лавки.

Воркуя, эти голубки меня-то и не заметили. Словно я
бревно какое-то. Балка, одна из тех, что поддерживает сте-
ны. Стул. Бездушная вещь.

Грегори вздрогнул. Он явно не рассчитывал сейчас меня
тут увидеть, и тем более не хотел, чтоб я видела его нежности
с этой девицей.

— А, и ты здесь, — произнес он, наконец, взяв себя в руки
и вернув своему лицу уверенное выражение.

— Где же мне быть, — шуря насмешливо глаза, произнесла я, неспешно направляясь к голубкам. — Это ведь моя таверна.

— Ненадолго, — хладнокровно ответил Грегори. — На логи с тебя все равно сдерут, а нет дохода — нет и еды. Ты долго не протянешь, сколько б ни упрямилась. Я понимаю твои чувства, — прижав ручки к груди, вдохновенно произнес этот говнюк, разоривший меня, — не хочется отдавать дом и дело. Но ты погубила его, Мари.

— Я?!

— Ты, Мари. И я пришел дать тебе хорошую цену за твой... сарай, — брезгливо произнес Грегори, обведя презрительным взглядом чисто отмытый зал. — Бери деньги и уезжай. Иначе за долги у тебя эту таверну отнимут, не дадут ни гроша. И ты...

— Не твоя забота, — грубо ответила я, уперев руки в боки и сверля его и его стушевавшуюся даму гневным взглядом. — Пока не отняли, это все мое. Пошел вон отсюда. Говноед. Пожалуй, последнее словечко было лишним.

Я вела себя как хабалка, как торговка с рынка, но меня понесло. Волна кипучего, жгучего гнева затопила мой разум, ослепила. Я чуть не до крови закусил губу, чтоб с кулаками не налететь на этого хлыща и не расцарапать ему физиономию. Сердце колотилось так, что в висках пульсировало и я почти ничего не слышала.

— Ах ты, грязная потаскуха! — взвизгнул оскорбленный

Грегори.

— Грязная? — изумилась я деланно, оглядывая свой наряд. — Так это потому, Грегори, что я выгребала отсюда дерьмо, оставшееся после тебя. Немудрено было испачкаться.

— Шлюха! — шипел Грегори, наступая на меня.

Я покачала сочувственно головой.

— Не будет у тебя никакой свадьбы, — печально произнесла я. — Потому что не купить тебе моей таверны, Грегори. Ни-ког-да.

— Тут все мое! — проорал он гневно, багровея так, что казалось — его вот-вот удар хватит.

— Ну, не кричи, не кричи, — ответила я хладнокровно. — А то глазик лопнет.

— Каждый камешек! — продолжал вопить он. Умом тронулся, что ли? — Каждая песчинка!..

Песчинки считаешь? Да забирай!

— Вот твое, — грубо ответила я, подхватывая ведро, оставленное Ханной. — Забирай!

Не совсем понимая от злости, что делаю, я грязной вонючей водой с головы до ног окатила парочку, и они замолкли и замерли, боясь даже дышать. Грязная жижа стекала по их парадному платью, изумленные лица походили на рожи утопленников, нахлебавшихся ила.

— Собирай свои песчинки и дуй отсюда, — грубо прикрикнула я, замахиваясь пустым ведром. — Не то я тебе че-

реп пробыю!

— Ты горько пожалеешь об этом! — выдохнул Грегори. На его щеках грязь, казалось, запеклась — так он покраснел от стыда и гнева.

— Я жалею только об одном, — четко ответила я. — О том дне, когда мы повстречались, и когда я поверила в твои сладенькие речи. Беги от него, глупая, — небрежно бросила я охающей, едва не плачущей девушке. — Не то эта грязь, что сейчас на твоём личике, покажется тебе самым чистым пятном в твоей жизни с этим червяком. Он лжец, мошенник и вор. А еще, — мстительно добавила я, — в постели он так себе. Да и член у него короткий, вялый и уродливый. Ну, как солёный корнишон. В пупырышках! Смотри, понаделает своим ущербным стручком таких же уродливых и сморщенных детей! Они будут вечно сопливые, болезненные и вонючие.

— Что?! — ахнула испуганная девушка.

Грегори, как-то неприлично булькнув, молча подхватил ее за локоть и вытащил ее на улицу.

А я перевела дух.

Поле боя, конечно, осталось за мной, но Грегори мне точно не простит моих язвительных слов...

Глава 5. Запасы

К вечеру мы отмыли и выскребли три комнаты для гостей, одну из них отдали Ханне.

Ее тюфяк мы набили свежей соломой, и один из комплектов постельного белья из сундучка Мари я постелила на ее постели.

Бибби только головой качала, осуждая мое расточительство.

— Лучшее свое белье! — трагично повторяла она, заламывая руки и закатывая глаза. — Как же это возможно! И кому!..

— Если хочешь жить по-человечески, будь человеком, и себя окружай людьми, — отрезала я. — В моем доме все будут чистыми, опрятными, и никто не будет голоден. Прошли те времена, когда я жила для какого-то проходимца и во всем себе отказывала. Теперь мы работаем и живем только для себя!

Сама Ханна с наслаждением плюхалась в бочке, приспособленной ей под ванну.

Мы с Бибби несколько раз намылили ее старое, худое тело, смывая грязь. Полынным мылом трижды намыливали ее волосы, смывая паразитов, а потом еще и вычесали тонкие редкие пряди частым гребнем.

— Я словно заново родилась! — шептала раскрасневша-

яся Ханна, прижимая руки к груди.

— А бочке, кажется, пришел конец, — мрачно ответила Бибби. — В ней словно пуд дегтя и вшей! Она годится только на то, чтоб ее сожгли!

— Значит, сожжем, — ответила я. — Вместе с грязным платьем.

— А что же я носить буду? — удивилась Ханна.

— В моем походишь, — ответила я.

Широкий жест! Старуха в наряде молодой девушки! Но уж лучше так. Кровососов и паразитов, которыми кишела ее одежда, я не потерплю.

Бибби снова всплеснула руками.

— Господское платье! — вскричала она.

— Ты будешь носить господское свадебное платье, — напомнила я ей. — Не забывай. Кстати, что там, остались обрезки ткани?

— Да премного, госпожа! — обрадованно воскликнула Бибби, думая, что я и себе что-то надумала пошить. — Хватит на хорошее, милое платье вам! Вы же, небось, шлейф хотели в семь локтей?

— Ханна, — не слушая более щебет Бибби, произнесла я, — сходишь поутру с Бибби к портнихе, пусть юбку хорошую тебе сошьет. Бибби, заплатишь.

Бибби, до того момента болтавшая, осеклась, замолкла, снова закатила глаза и всплеснула руками.

— А вы, госпожа?! — воскликнула она горестно. — А вы

как же?! Вы себя словно наказываете! Ну, полно! В чем же ваша вина?! Если вы и ошиблись, то уже раскаялись. И для нас вы сделали уже столько, что...

— Я не наказываю себя, Бибби, — прервала я ее горячую речь. — Я просто вкладываю деньги в рост своего дела. Вы — мои помощницы, даже больше. Вы мои главные ресурсы. А значит, должны выглядеть красиво и быть здоровыми и полными сил, чтоб все понимали, что у нас приличное заведение. Сейчас это намного важнее, чем моя красота и мои наряды, понимаешь? Это наше будущее, наш доход, наше пропитание.

Наши препирательства прервало всхлипывание.

Мы с Бибби оглянулись.

Старая Ханна, обряженная в чистую белую полотняную рубаху, с расчесанными седыми волосами, с раскрасневшимися от мытья в горячей воде щеками, сидела на постели и рыдала чуть не в голос, утирая натруженными руками лицо.

— Что такое, Ханна? — осторожно спросила я. — Что с тобой? Мы тебя обидели? Ради бога, прости нас. Видишь же, у нас дела идут не очень, мы за жизнь боремся, вот и болтаем что попало без умолку. Мы не со зла; просто столько всего навалилось...

— Нет, нет, — всхлипнула старуха, отирая морщинистые щеки и улыбаясь. — Вы не обидели меня. Ах, добрые души! Просто... за этот день заботы о себе я получила больше, чем когда-либо. Всю жизнь прожила, ненужная, как собака под

забором. А тут и еда, и мыться. И новая одежда...

И она заревела еще громче.

Ее слезы тронули и сердечко Бибби.

Ей стало стыдно, что она ругала и травила бедную старуху, да и жаль ее стало, одинокую и несчастную. И она завывала громче Ханны, утирая рукавом мокрый нос.

— Ну, не надо, не надо! — попыталась остановить их я. Но тщетно.

Обнявшись, они ревели от души, жалея друг друга и примиряясь.

Наутро я отварила картошки, чуть посыпала ее зеленью, добавила по кусочку сливочного масла. Бибби сбегала накануне за ним к молочнику. Дорогое удовольствие! Но я помнила о щеках Бибби, которые следовало бы наесть покруглее, и потому не скупилась, хоть деньги и таяли с катастрофической скоростью.

Завтрак удался на славу. Да еще и на обед осталось — в лесу нам обязательно есть захочется.

Бибби со смаком облизывала ложку. В кармане ее снова виднелась яркая обертка от шоколада.

Старый Ганс прибыл к назначенному времени. Оглядев нашу команду — все, как одна, с лопатами и ведрами, — он только покачал головой.

— Что вы такое затеяли в этом лесу? — подозрительно спросил он.

— Репу копать будем, — легкомысленно ответила я. — И возить сюда, в мой погреб.

Погреб в таверне был отличный. Огромный, просторный. Кажется, раньше там бочки с вином стояли. Теперь нет; ну, ничего. Скоро все-все-все наладится и будет как прежде!

— Репу? — удивился Ганс.

— Репу?! — воскликнула пораженная Бибби.

Старуха только закатила глаза.

— К чему эта ложь, — пробормотала она, мотая седой головой.

— Ну хорошо, хорошо, хорошо! — сдалась я. — Не репу. Те клубни, что вы ели.

— Мы что-то оттуда ели?! — в ужасе прокричала Бибби, хватаясь за горло, будто кусок сию минуту встал у нее поперек горла и душит ее.

— Дурочка, грибы оттуда ты точно ела, и не спрашивала, что это, — подсказала Ханна.

— Что за клубни такие? — не отставал Ганс. — Ты что, отравить нас хотела?

— О-о-о-о! — проорала я, ощутив себя на секунду в дурдоме. Или в детском саду, где все задают глупые вопросы. — Я их ела! Ты их ел! Все мы их ели, и никто не отравился! Потому что они не ядовиты, ясно вам?! Это картофель! Не репа, картофель! Это... земляное яблоко, вот! Картофель! Вкусный и сытный! Нельзя есть только красные ягоды с семенами, что растут на ботве, а клубни можно! И нужно!

— Откуда ты знаешь? — подозрительно спросил Ганс.

— О-о-о-о! — проорала я, как гоблин, идущий в атаку.

— Да иноземец же продавал их в столице! Привез, небось, из своей... Тиливилитрямбии, или откуда он родом! И продавал картофель к столу господ из столицы!

— О-о-о, — вслед за мной проорала Бибби, — я ела блюдо для знатных господ?!

— Да, — мне легче было согласиться с ней, чем разубеждать или что-то объяснять. — Ты ела Ля Тартуфель. Это очень модно, да.

— Но вам втроем нипочем его не выкопать, — весело сказал Ганс. Да чтоб ты провалился!

— Это еще почему?! — взъерошилась я.

— Там вся полянка им заросла, — ответил Ганс миролюбиво. — Тартуфеля там много. Я же знаю это гиблое место. Он плодится что сорняк.

Я тяжело вздохнула. Вот за что мне эти мучения?!

— Мы постепенно, — сказала я терпеливо. — День за днем.

Ганс снова замотал головой.

— Женщина, ребенок и старуха, — произнес он. — Которым потом надо мыть, готовить и убирать. К концу месяца вы помрете со своим тартуфелем.

— Месяца?!

— А я о чем? Его там так много, что к первому снегу бы управиться.

Я, потрясенная, промолчала.

— Давай так, — предложил Ганс. — Ты мне даешь золотой — слышал, они у тебя водятся, — а я нанимаю пару-тройку крепких пьяниц. Скажу им, что лендлорд велел выкорчевать эти клубни из земли. Они потихоньку и вырывают их за бутылочку доброго винца. Ты же не в накладе останешься? Тартуфель твой вкусный и сытный. Зиму точно вы на нем проживете. Да еще и посетителей бог пошлет, — Ганс подмигнул. — Я всем уж рассказал, что у тебя ел такое блюдо, какого не пробовал нигде и никогда.

Но меня беспокоило другое.

Мои трюфеля!

Мои драгоценные трюфеля! Как бы наемные копатели их не повредили.

Я не знаю, знали ли вкус трюфелей местные богатеи, но их всегда можно научить есть эти грибы и сказать, что это изысканно. А потом они сами их будут требовать. И сами станут большие деньги предлагать.

Значит, в любом случае я там должна присутствовать... Но каждый день, до конца месяца таскаться в лес на целый день?! А кто в таверне делами управлять будет? Как мне разорваться?!

— Да я поеду с этим прохвостом, — вдруг тихо произнесла Ханна за моей спиной. — Скажи только, что надо, госпожа. Я за всем прослежу. Еще и помогу чем смогу.

— А ты и верно ведьма, — пробормотала я чуть слышно.

— Мысли читать умеешь?

— А у тебя есть сомнения какие-то? — хитро усмехнулась Ханна. — Конечно, ведьма. Или ты думаешь, что с лендлордом сговорила так быстро просто так? Нет уж. Он человек не из покладистых. А тебе ведь уступил? Так это я поворожила чуток. Потому что за добро добром отвечать следует. Я все вижу. И даже вижу, что ты не глупышка Мари. И уж точно не из наших краев. Но это твое дело, не мое. Так что требуется?

От ее вкрадчивых слов мурашки побежали по спине. Мне вдруг показалось, что все видят меня иную — беззащитную, чуждую им, в белой поварской униформе, в белом поварском колпаке, какая я ходила по ресторану.

Видят и хитро смеются, зная мою тайну, перед тем как напасть и растерзать...

Но я мотнула головой, прогоняя этот ужасный призрак.

Никакого ресторана, никакого поварского колпака. Этого больше не существует.

Что бы там Ханна не говорила, а я теперь Мари. И точка.

— Грибы сбережь, — ответила я. Ухнула, словно в омут бросаясь.

— Что ж за грибы такие особенные? — произнесла ведьма.

— Поедем вместе, — решила я. — Я покажу. После они пусть копают, ты помогай и присматривай. И если все пойдет по моему плану, — я наконец-то осмелилась глянуть ей в

глаза, — то все у нас наладится.

К вечеру половина подвала в таверне была завалена картофелем. Отличным, крепким, крупным! Просто душа радовалась, глядя на это великолепие.

Забулдыги пошли пропивать заработанные медяки. Ганс, довольный, увез серебряный и мешок чудных клубней — по секрету я рассказала ему, как следует готовить их, — а уставшая Ханна вернулась в таверну, с несколькими вязанками хвороста, и с небольшим количеством трюфелей.

— Вот, госпожа Мари, — произнесла она, выкладывая несколько грибов из передника на стол. — Как бы я ни старалась, а эти болваны все ж вырыли несколько. Жаль их. Что, большие потери?

Я оглядела трюфели и чуть не застонала.

Это были великолепные грибы. Крупные, сочные.

— О, да, — протянула я. — Они стоят дорого...

— Так может, — сказала Ханна прямо, — продать их?

— Кому? — уныло спросила я. — Королю?

— Так дорого? — ахнула Ханна.

— Ага...

Старуха в задумчивости поскребла в голове.

— Может, клиента нам побогаче? — прошептала она с придыханием, словно размечтавшись. — Который бы и вкус их оценил, и заплатил?

Я лишь грустно усмехнулась.

— Да откуда ж он, Ханна. Я надеялась, что немного погодя, когда встану на ноги, отвезу их в столицу сама, но...

Старуха вдруг заволновалась.

— А ты не сомневайся! — воскликнула она. — Не сомневайся! Готовь, госпожа, как для короля! Будет тебе клиент богатый!

Я сощурилась, взглянув в глаза старухи.

— За добро добром? — сказала я. Ханна с жаром кивнула.

— Истинно так! Молись, госпожа. Пошли девчонку в лавку за всем необходимым. И ужин вкусный готовь. А я поворожу, поколдую. Будет тебе постоялец важный, или я не я!

И она отступила назад и словно растворилась во мраке...

Не знаю, почему я поверила Ханне.

Полуголодной беззубой старухе, которую знала-то от силы пару дней.

Но в ее глазах была такая уверенность, такой живой и сильный огонь, что я ни минуты не колебалась.

— Бибби-и-и! — прокричала я. Все было словно в тумане. Помню, как приглаживала привычным жестом кудряшки на висках и глазами искала поварской колпак, но никак не находила. А сама уже повязывала привычно фартук и прикидывала, какая посуда мне понадобится. — Бибби!

Девчонка вихрем скатилась по лестнице, топоча пятками.

— Да, госпожа, — говорит, а у самой глазища на пол-лица. То ли боится, что я умом тронулась, то ли тоже чует чего...

За окном потемнело. Подул ветер, собирая темные тучи,

вдали загрохотал гром. Обычное дело для осени. Но в сверкании молний я видела какой-то особый, зловещий и волнующий знак.

— Беги в лавку, — резко велела я. — Кролика купи. Самого свежего, самого молодого!

— Кролика? — повторила сбитая с толку Бибби, зажимая в ладони очередной золотой.

В такой час, когда каждая монетка на счету, тратить беспечно золото на кролика? Верно, госпожа точно не вынесла. Тронулась умом.

— И не только кролика, — уверенным тоном произнесла я. — Еще трав всяких... приправ, уксуса винного. Масла свежего, сливочного, самого лучшего! И вина. Вина непременно.

— Госпожа... — прошелестела Бибби побледневшими губами. Ее глаза медленно налились слезами, она судорожно зажала край фартучка так, что костяшки ее пальцев побелели.

— Да шевелись давай! — прикрикнула я уверенно. — Важного гостя ждем! Успеть бы к его приезду...

— Важного гостя?! — мордашка Бибби расцвела счастливой улыбкой. В глазах отразилась такая надежда, что мне на миг стало страшно. А вдруг старуха полоумная, наврала мне с три короба, а я ее и послушала? А вдруг эта прекрасная, отчаянная надежда Бибби на то, что мы выкарабкаемся, бу-

дет обманута? Вдруг все рассыплется, пойдет прахом, и не будет ни выручки за дорогие продукты, ни отложенных на черный день денег?

Страшно даже представить...

После такого обмана действительно и жить-то незачем.

Но я отогнала эту страшную мысль, не дала даже тени сомнения овладеть мной.

Нет уж! Лучше верить безумию старухи и прожить этот день на подъеме, в радости, в деятельности, предвкушая успех и сытую жизнь, чем трястись, сомневаться и ждать краха!

— Очень важного, — строго подтвердила я. — Комнату бы ему еще приготовить...

— Я успею! — пискнула Бибби. — Я все сделаю, госпожа!

Готовясь к важной встрече, я поднялась к себе и оделась в черное платье. Подумав немного, к нему приладила белый накладной воротник, широкий, с плоеными оборками. Ничего особенного, но вид у меня стал свежий и не такой унылый. Скромная и приличная женщина, думала я, рассматривая себя в зеркало.

Гром все грохотал над городком, когда вернулась Бибби, вся пропахшая дождем. В ее руках была огромная корзина, в ней было все, что нужно. Булькало масло в бутылке зеленого стекла, лежала свежая тушка кролика, завернутая в чистое полотно. Сливки белели в глиняном горшочке, под плотно прикрытой крышкой.

— Не приехал еще? — осведомилась она, оглядывая живым взглядом темный зал.

Я лишь качнула головой:

— Нет. Ты успела. Давай живо наверх, взбей перину в лучшей комнате, что мы отмыли дочиста, за протопи там камин!

Бибби, радостно взвизгнув, помчалась наверх, а я потащила корзину к разделочному столу.

Разобрав продукты, которых было куплено с ювелирной точностью, чтоб приготовить блюдо как раз одному постояльцу — ох, уж эта Бибби, стерегущая каждый грошик, словно верная собака! — я с удовольствием принялась к приправам.

Вино тоже тут было.

Осторожно я нацедила себе полкружки алого, густого, как кровь напитка, и попробовала.

М-м-м, вкуснятина какая!

Кажется, от него у меня губы сделались гладкие, лаковые, как покрашенные лучшей помадой. Хмель приятно одурманил ровно настолько, что расслабились напряженные плечи, и я принялась за готовку, беспечно напевая песенку.

За окнами гроыхнуло и дождь ливанул стеной.

А на огне, в блестящей кастрюльке, у меня закипали густые жирные сливки, со шкворчанием жарился лук до золотистого цвета, пара хороших больших луковиц, и томилось главное блюдо в отличном котелке.

Кролика я порубила на куски и слегка обжарила на свежем масле с ароматными травами, чуть присыпала перцем. Сложила в горшок слоями, добавив травы, приправы, чищенный картофель и лесные грибы, чуть обжаренные на оставшемся после кролика масле, залила сливками и сунула в печь.

Из моих драгоценных трюфелей я задумала сделать соус на винном уксусе. Местные продукты мне нравились больше, чем те, к которым я привыкла. У них запах был густой, настоящий, насыщенный.

Поэтому соус получился на славу, а его аромат разлился по всей таверне.

И само блюдо вышло таким, что просто пальчики оближешь. Пища богов. Сегодня я определенно была на высоте!

— Дадут в этом доме простому путнику убежище от ночной непогоды?

Этот голос я никак не ожидала услышать, а потому вздрогнула и чуть не выронила из рук миску. Я так погрузилась в любимую работу, что не видела ничего вокруг, и как этот человек, я не слышала, как он вошел.

«Колокольчик сломался? Или я так увлеклась? Или?..» — вихрем проносилось в моей голове, когда сердце выбивало дробь.

— Дождь так и льет, — доверительно сообщил незнакомец, стряхивая с плаща воду и стаскивая одежду с плеч. — Могу я обогреться у вашего огня?

— Ну, конечно, сударь, — нерешительно промямлила я,

тиская края чудом спасенной миски. — И обогреться, и обсушиться, и получить ужин, а на ночь — комнату.

Это был тот самый постоялец, которого мне обещала Хан-на! Сомнений быть не могло! У него одни башмаки стоили побольше, чем весь парадный костюм расфуфыренного Грегори!

Одет приезжий был с большим вкусом, что уж.

Темный сюртук по фигуре, нигде лишней складки, нигде грязного пятна. Муаровый черный жилет с серебром, шелковый черный галстук с кружевами. Изысканно, но строго. Он не производил впечатление разодетого в пух и прах легкомысленного щеголя.

Это был высокий, статный, широкоплечий и красивый мужчина. Породистое лицо, тонкий благородный нос, высокий лоб. Черные блестящие длинные волосы, рассыпавшиеся по плечам. Темные умные глаза. Соболиный брови. Бледная матовая кожа. Красиво очерченный рот. Ни единой черты, свидетельствующей о телесной или душевной немощи.

«Красивый мужчина!» — невольно подумала я, залюбовавшись приезжим.

Наверное, мое внимание к нему было слишком очевидным. Да и каким же ему еще быть, если я просто раскрыла рот и смотрела во все глаза?

Наверное, выглядела я в этот миг, как деревенская простушка, впервые увидевшая знатного столичного лорда. Рот

раскрыт до ушей, глаза вытаращены. Дурочка, да и только.

Так или иначе, а он тихо рассмеялся, глядя на мое изумление. Улыбка у него тоже была красивая.

Хорош, безо всяких изъяснов!

— И ужин у вас получить можно? — осведомился он, присаживаясь за один из столов и с удовольствием проводя по чистой льняной скатерти ладонью.

— Все самое свежее и самое горячее! — бесстрашно ответила я, выйдя из ступора и стряхнув наваждение. Эх, красавчик! Попадись ты на глаза Мари раньше, она не клюнула бы на разноцветные тряпки Грегори, который теперь смотрелся как петух рядом с черным лебедем в сравнении с приезжим. — И самая лучшая комната для вас!

Приезжий с уважением кивнул, изогнув губы.

— Вот это уважение к приезжим, — произнес он. — А что это такое у вас сегодня на ужин? Пахнет божественно вкусно.

— Кролик, сударь, — ответила я. — С травами, корешками и с соусом. Блюдо дорогое, милорд.

Я вопросительно посмотрела на приезжего, и тот рассмеялся.

С сияющими смеющимися глазами он вынул из кошелька, привязанного к поясу, три золотых, и выложил их на скатерть.

Три!

Три золотых! За неполный потраченный один! Это неплохо, однако!

У меня аж дыхание перехватило, но я всеми силами постаралась удержать спокойный, беспечный вид.

— Еще комната, сударь, — напомнила я нахально. — Самая лучшая во всем городе. Чистая, проветренная, со свежим бельем. И ни единой блохи в постели!

Все так же смеясь одними глазами, он выложил еще три золотых.

Наверное, ему доставляло удовольствие играть в эту игру с деревенской простушкой. Это как с детьми, знаете, платя настоящими монетами за их песочные куличики.

— Достаточно этого, — произнес он, чтобы оплатить ваши услуги?

— Вполне! — дерзко ответила я, сгребая золото. — Сию минуту будет ужин!

Кролика я выложила ему на грубую глиняную тарелку как в дорогом ресторане, красиво, даже изыскано. Подала с грибами и с куском свежего, еще хрустящего хлеба. Добавила бутылку вина, откупорив ее предварительно.

И соус.

Не забыла и соус поставить рядом.

— Вашим золотом вы оплатили вот это, — прокомментировала я, указывая на трюфеля. — Надеюсь, вам понравится.

— Я тоже на это надеюсь, — проворчал он, отрезая кусочек мяса. Игры играми, а есть он хотел. Поэтому приступил к еде поспешно, не обмениваясь больше со мной любезностями.

Я отошла, чтоб не мешать ему наслаждаться ужином, ужасно волнуясь. Пока все шло хорошо, он молча уплетал за обе щеки и ни о чем не спрашивал. Время от времени от удовольствия мотал головой и постанывал, закатывая глаза.

Соус ему понравился особенно.

Он макал в него мясо, затем полез в подливу коркой хлеба, и под конец гонял в опустевшем соуснике кусочек гриба вилкой.

— М-м-м, как вкусно! — промычал он, утирая губы салфеткой. На его красивом, холеном лице выписалось такое изумление, что он, кажется, забыл, как ухмыляться. — Что, что это такое ты мне подала?!

— Это грибы, сударь.

— Грибы?! Ты, ведьма, отравить меня вздумала? Но черт возьми, вкусно как!

— Отравить?! Нет, вовсе нет! Это хорошие и совершенно безопасные грибы! Хотите, я сама их съем, чтоб вы убедились, что они безвредны?

— Руки прочь, хитрая женщина! Это все мое! Сам съем! Боже, это нектар и амброзия! А еще есть?

— Есть немного соуса, сударь, — растерянно пробормотала я, невольно отступая от постояльца, нацелившего на меня вилку.

— Немного! Этого слишком мало! — фыркнул постоялец. — Я хочу есть! И еще я хочу как следует распробовать этот дивный вкус. Значит, мне нужно много этих грибов, а

не пара опилок, плавающих в подливке!

— Но это же слишком редкий гриб, — слабо оправдывалась я. — Их не едят полными тарелками, сударь...

— Редкий? И ты здесь, в глуши, в провинции, смогла его отыскать, распознать, да еще и приготовить? — подозрительно спросил он.

Я гордо вздернула голову.

— А вы, сударь, думаете — мы здесь совсем без мозгов? Что-то вроде миленьких говорящих обезьянок? — с достоинством произнесла я. — Так вот нет. Мы тут тоже кое-что умеем и знаем. Да, я умею распознавать это гриб, и готовить его тоже умею!

— О, простите. Не хотел вас обидеть. Просто...

«Просто в столице за трюфелем гоняются богатеи, — с нехорошим удовлетворением подумала я. — А тут в простой таверне подают по дешевке. Это вы хотели сказать?»

— Так что с грибами? Есть еще?

— Я, конечно, могу послать слугу за ним в лес, но дождь... ночь... холод...

— Пошлите! — велел резко приезжий. — Золотом плачу второе. И да, неплохо было б получить целый гриб. Свежий, я хотел сказать.

— Девять золотых? — уточнила я деловито.

— Считаешь ты тоже шустро, — удивился приезжий.

— Я и писать неплохо умею. Так что с оплатой? — не сдавалась я. — Девять?

— Да, — сдался приезжий, выкладывая золото на стол в знак своих серьезнейших намерений.

— Хорошо, — ответила я ровным голосом, неторопливо собирая золотые, хотя поджилки у меня тряслись. Девять да шесть — итого пятнадцать, целое состояние! — Все будет исполнено. А пока не желаете ли пройти в вашу комнату, отдохнуть?

— И не надейтесь, что я усну прежде, чем получи мои грибы!

— Не надеюсь. Но играть с вами в гляделки до тех пор, пока грибы сюда доставят, я не собираюсь. У меня много работы, сударь. Я не смогу вас развлекать все время.

Незнакомец вдруг оказался рядом со мной. Вплотную, глядя глаза в глаза. Я даже уловила приятный аромат его духов, которые он наверняка приобрел в столице.

Да как он это делает?! Люди не умеют перемещаться в пространстве мгновенно. А этот может...

Еще миг назад сидел за столом, а потом шаг — и он уже стоит рядом, сверлит внимательным взглядом... Даже жутковато.

На колдуна не похож.

По местным меркам, колдун должен быть источен болезнями тела. Ибо здоровьем он платит за свои злые дела. Вон у Ханны зубы через один. Наверняка все прочие выгнили, и она очень страдала, расставаясь с ними. Расплачивалась за нечистое колдовство.

Этот же был здоров, как бык, и ни о каких плохих зубах говорить не приходилось.

Даже седой волосинки не было в его роскошной, ночной черной шевелюре.

Значит, точно не колдун...

— Поиграть в гляделки, — вкрадчиво повторил он, заглядывая мне в глаза и осторожно приглаживая кудряшку, выбившуюся из моей гладкой прически. — А что, это... неплохая идея. Зря вы отказываетесь от нее. Я бы сыграл с вами... пару раз.

Меня опажнуло жаром. Я словно раскрыла раскаленную духовку, и оттуда шибануло раскаленным воздухом. Близость этого человека завораживала.

Этот мужчина был очень красив. Вероятно, никогда не знал отказа от женщин.

Наверное, ему казалось забавным провести ночь с простушкой, с хозяйкой таверны, которая показалась ему... привлекательной. Да, красота Мари была яркой, броской. И этот мужчина наверняка считал, что такая, как небогатая владелица заведения, почтет за честь провести эту ночь с ним.

И под ним.

На секунду я почувствовала, как в моей голове рождается что-то, похожее на «а, море по колено, живем один раз!». Да только...

Я нервно сглотнула ком в горле, чуть отступила от соблазнителя.

Грегори сказал мне: «Покажи тебе золотой ты и юбку задерешь?».

Вот поэтому нет. Не ему — самой себе я хотела доказать, что он не прав! Ни за какие деньги я не пойду с мужчиной, даже если он сто раз красив! Даже если он мне понравился!

Он снова коснулся моей щеки. Но я снова увернулась от его ласки.

— Нет уж, сударь! — сурово, даже грубо ответила я, отстраняя его руки от своего лица. Какая нахальная смелость! Какая решительность! Раньше я этим не отличалась! Планировала отшить незнакомца потаكتичнее, а бухнула все напрямую, в лоб. Наверное, это то немногое, что осталось во мне от настоящей Мари... — Однажды я сыграла в такую игру. Знаете, сначала мне понравилось, а потом все пошло наперекосяк. Ведь тот, кому я неотрывно смотрела в глаза, не только вырвал мне сердце, но бессовестно в это время залез в мой карман, да так, что мне выживать приходится.

— Вы выживете, — уверенно произнес незнакомец. — С вашими знаниями о грибах выживете. А тот человек... может, вам помочь его наказать?

Я снова невесело усмехнулась.

Он что, подкатывает? Пытается меня завоевать, притворяясь верным рыцарем? Так приглянулась ему смазливая мордашка в окружении злотых кудряшек, что он не хочет от-

ступиться?

— Что ж вы можете? Поколотить палками городского щеголя?

— Хотя бы. Для начала.

Мы смотрели друг другу в глаза, и я физически ощущала, как меня тянет, влечет к этому красивому, сильному мужчине. Я хотела его!

Хотела броситься ему на грудь, хотела забыться в его объятиях и страстных поцелуях. Хотела ощутить себя привлекательной, желанной, живой!..

И его влекло ко мне.

Это я тоже видела.

Я слышала его учащенное дыхание, блеск его красивых темных глаз. Ему вдруг очень захотелось еще раз коснуться недоступной, но такой привлекательной женщины, и, думаю, он мог себе это позволить.

Думаю, он был из тех людей, которым в этом мире разрешено если не все, то очень многое. Усадить на стол и взять прямо здесь — думаю, ему даже суд был бы нипочем. Потому что никто не взялся б судить такого важного человека

Но он не стал. Что-то внутри не позволило ему взять меня силой.

— Так значит, нет? — тихо спросил он.

— Негоже вы придумали, сударь, — отводя взгляд, так же тихо ответила я. — Зачем смущаете бедную девушку? Или думаете, что у меня вовсе нет ни гордости, ни достоинства?

Нет, сударь, нет. Ваше предложение для меня неприемлемо.

Он помолчал, глядя на мое кротко клоненное лицо.

— Что ж, — произнес он тяжело вздохнув. — Главное, не пожалеть потом о том, чего так хотелось, но что не сбылось...

Я решительно мотнула головой.

— Не это, сударь, главное, — горячо заявила я, осмелившись поднять на него взгляд.

Он с удивлением смотрел на меня, словно я сумела удивить его в тот миг, когда он думал — больше уже невозможно.

— А что же? — спросил он.

— Главное не предавать себя и не становиться дешевле, чем ты есть на самом деле, — тихо ответила я. — Я — бедная девушка, всего лишь хозяйка таверны. Я продаю еду и редкие грибы, а не себя. Я не шлюха. И не хотела б ею быть.

Он посмотрел на меня так, что казалось, одежда на мне воспламенится.

Щеки мои пылали от стыда и волнения. Кем бы он ни был, а он мог и деньги, заплаченные за ужин, отнять из-за моего отказа, и меня саму прибить.

Но он не стал вымещать на мне досаду и злость.

— Я запомню, — произнес он тихо. — Это достойные слова, очень достойные. И если мы еще однажды с тобой встретимся, и ты останешься верна им... Что ж, я как минимум буду удивлен. А удивить меня не так-то просто.

Он отступил от меня с неохотой, все так же пожирая взглядом, словно пытаясь каждую мою черту накрепко запечатлеть в своей памяти.

— Я жду мои грибы, — напомнил он и направился к лестнице, ведущей на второй этаж, где располагались комнаты.

Устраивала на ночлег важного гостя Бибби.

Она показала ему комнату, она подала ему воды, умыться с дороги.

Но к ней он и не думал приставать, остался строг и холоден, словно девушка и не существовала, не ходила рядом.

Я чувствовала себя преотвратительно.

Нет, я поступила верно, что не помчалась тотчас удовлетворять внезапно вспыхнувшую страсть приезжего. Но так же я чувствовала, что его симпатия ко мне, его желание и страсть были настоящими, а его чувства — глубокими и сильными.

Словно любовь с первого взгляда.

Эти чувства пронзили его спокойное холодное сердце, он был сражен ими и страдал... точно так же, как и я.

Мне он тоже понравился и был очень, очень безразличен.

Но...

Между нами была огромнейшая социальная пропасть. И он не мог этого не видеть и не понимать.

Что я? Хорошенькая простушка из глубинки. Никто; а он

знатный господин. Что он может мне предложить? Только то, что я озвучила — быть шлюхой. Пусть его личной, но шлюхой. Бесправной живой вещью, которую, вероятно, он будет любить и беречь, но прятать в шкаф, когда к нему приходят гости.

Скрывать нашу связь.

А потом и бросит, когда его игрушка ему наскучит, потускнеет или подурнеет.

Разумеется, это может произойти и с законной женой, но...

Законной жене не будет так мучительно стыдно ощущать себя купленной девкой, и в глазах общества она не потаскуха, а приличная женщина. Никому и в голову не придет на нее пальцами показывать.

«Да, скорее всего, он и женат, — уговаривала я себя. Я искала любое подтверждение своей правоте! Я себя убеждала, что отказала ему не напрасно! — Негоже с женатым мужчиной романы крутить. Если его жена узнает, она меня прикончит вернее него самого, за мой ему отказ...»

Так в раздумьях промаялась я недолго. Скоро сверху со свечой спустилась Бибби и сразу же кинулась ко мне.

— Ну что? — дрожащим голосом произнесла она. Свеча в ее руке так и прыгала, отчего тени метались по ее лицу и глаза от этого делались все больше. — Заплатил он?!

Молча я ссыпала перед девушкой на стол золото, все, что он мне отдал, и Бибби, уставившись на блестящую грудку,

шлепнулась на стул и зарыдала.

— Спасены, — всхлипывала он, утирая градом катящиеся слезы. — Мы спасены!

— Да, — тихо ответила я. — Теперь мы не пропадем. Завтра с Ханной сходите к мяснику, мяса закупите. Будем жарить отбивные и запекать окорока.

Бибби лишь кивала головой и всхлипывала.

— А сейчас знаешь что, — мой голос дрогнул. — Пойди в подвал и возьми там корзину с опилками. Она стоит рядом с пустой бочкой из-под вина. В ней грибы; вот эти грибы чуть позже отнесешь приезжему. Он просил.

— Отчего вы сами не отдали их ему? — удивилась Бибби.

— Набивала цену; сказала, что их у меня нет, сказала, что за то, что в такую ночь их для него выкопают, будет стоить дороже, — ответила я. — Да, чуть не забыла! Три, самых крупных и красивых, мне сюда принеси. Я приготовлю их... для него. А вы с Ханной пока можете доесть кролика. Там осталось немного мяса; зато грибов и картофеля вдоволь. Поедите и спать! Ну, иди!

Бибби отправилась исполнять мои приказания, а я, вздохнув, снова отправилась к печи. Нужно было исполнить заказ постояльца, тем более, он щедро оплатил его.

Мысли об этом мужчине царапали мне память. Я мучилась и млела, щеки мои горели, рук дрожали. Да что же это за напасть такая?! Чтобы успокоиться, я глотнула вина, и это

помогло самую малость. Горечь и боль из мыслей ушли, осталась лишь нега. Стоило мне вспомнить его яростный и властный взгляд, как я готова была упасть на колени и молиться на него, словно на божество...

«Сумасшедшая дурочка! — ругала я себя, обмирая от острой странной влюбленности. — Поскорее бы он уехал, а вместе с ним и эта ненормальная любовь!»

Да, я всем сердцем желала, чтоб он убрался, чтоб его тут уже не было. И вместе с тем очень хотела, чтобы он спустился, и я увидела б его еще раз!

Пока я возилась с посудой, разрываемая на части противоречивыми желаниями, примчалась Бибби и положила на стол грибы. Да, выбрала самые лучшие. У девчонки определенно есть хорошие задатки, чутье.

Я хлебнула еще вина, чтоб залить бушующие мысли, от которых меня уже знобило, и вздохнула свободнее. Может быть, уставшая и опьяневшая, к полуночи я успокоюсь и усну...

Я ополоснула трюфеля в глубокой миске, очистила от лесной грязи, и уж было собралась резать на части, как вдруг кто-то осторожно кашлянул в стороне, у столов посетителей, и я вскрикнула от испуга, выронив нож.

— Черт вас подери! — воскликнула я, подняв голову и увидев устроившегося в полумраке гостя. — Как вы так неслышно подкрались?! И что за манера — шпионить за людьми?! Что вообще вы тут делаете?!

Он склонился чуть вперед, свет заиграл бликами на его черных волосах.

— Я всего лишь хотел посмотреть, как вы готовите, — спокойно ответил он.

— Как вы узнали, что я буду готовить именно сейчас?

— Ваша служанка мне принесла грибы. И я пошел посмотреть, что вы тут делаете. Мне интересно, неужели правда возможно приготовить такое блюда, не колдуя и не приправляя его магией?

— Да бросьте, — отходя от испуга, произнесла я. — Немного перца, соли и уксуса — это что, магия? Но коли вам так интересно, то смотрите. За это я денег не беру.

Я сердито застучала ножом, склонив голову как можно ниже, чтобы он не заметил, как мои щеки расцветают пунцовым румянцем, а дыхание замирает в груди.

«Зачем он пришел?! — ругала я его, а сама обмирала от странного, неестественного счастья. Краешком взгляда я видела его темный силуэт, поблескивающее серебряное шитье, и просто таяла. — Нарочно, чтоб смутить меня?! Или правда думает, что я колдую? Или боится быть отравлен?»

Но, так или иначе, а скрывать мне было нечего.

Я показывала ему каждую крошку приправ, что сыпала в блюда, каждую каплю уксуса, каждую крупинку соли и сахара. Ну, разумеется, и пробовала все, что готовлю.

Он внимательно смотрел, и, как мне показалось, не столько на готовящееся блюдо, сколько на меня. От его присталь-

ного взгляда у меня руки начинали трястись. И когда становилось особенно невыносимо, я прикладывалась к кружке с вином.

После моего третьего глотка он вдруг материализовался около меня, так внезапно, что я снова вздрогнула.

— Можно мне?.. — вкрадчиво произнес он, положив руку на кружку с вином. Поверх моей руки. — Мне кажется, что это вино особенно вкусное...

Я в отчаянии закрыла глаза.

— Мне нужно снять соус с огня, — как можно тверже произнесла я. — Дайте пройти.

Ни слова ни говоря и не боясь обжечься, он повернулся, ухватил голыми руками раскаленную кастрюлю, и аккуратно поставил ее на стол.

— Все готово, — спокойно произнес он, снова переводя свой взгляд на меня. — Позвольте мне снять пробу?

— Но горячо, — отчаянно прошептала я.

— Случалось мне пить воду, раскаленную от адовой лавы, — беспечно ответил он. — Ну?

Не соображая, что делаю я деревянной ложкой зачерпнула немного соуса и поднесла к его губам.

Соус дымился, но мужчина все равно попробовал его. Глядя мне в глаза, он пробовал мое варево, и улыбался.

— Очень вкусно, — пошептал он. — Теперь вижу, что никакой магии в этом нет. Только ваш невероятный кулинарный талант.

Рука моя дрогнула, ложка выпала. Я, как загипнотизированная, смотрела на него, а он, уже не смущаясь, взял мою руку и мягко поцеловал в ладонь.

— Я же сказала «нет», — простонала я, с ужасом и наслаждением наблюдая, как его губы ласкают мою руку. — Ничего не изменилось, я!..

— Один поцелуй, — почти умоляя, прошептал он. — Всего один поцелуй. Иначе оба мы сойдем с ума к рассвету!

Я не могла ответить; в груди моей жгло так, словно капля раскаленного металла капнула и прожгла сердце насквозь.

Я не смогла возразить; да и противиться самой себе я больше не смогла. Я потянулась к нему с такой же страстью и с таким же нетерпением, как и он ко мне, и поцеловала его с такой же готовностью, с какой он целовал меня.

Его пальцы ласкали мне затылок, распустив тяжелый узел из моих волос. А я пила, пила его поцелуй, словно мятную воду, туша боль и отчаяние в моем сердце. И он пил мое горячее дыхание, выпивая огонь, что сжигал меня изнутри, и деля со мной терзающую меня страсть.

Это было больше, чем ласка; в моей голове, словно тени забытых, безумных снов, промелькнули мои воспоминания о былой жизни, о коротком, сухом романе с сослуживцем и о неловких дежурных поцелуях на прощание.

Тогда они приносили мне удовольствие и радость.

Давали мне ощущение полноценности, что ли.

Но они и рядом не стояли, эти жалкие, неловкие поцелуи,

рядом с тем, что творилось сейчас со мной.

Его губы ласкали меня так нежно, так страстно, что казалось — он своей душой касается моей души. От возбуждения кровь стучала в висках, и каждое его прикосновение вызывало во мне просто взрыв желаний. Нескромных сексуальных желаний.

Я хотела его всем существом.

Хотела, чтоб он содрал с меня одежду и уронил в постель.

Хотела чувствовать тяжесть его тела на себе и жар его кожи под своими руками. Хотела, чтоб он обнимал, тискал меня, целовал, заглушая мои крики и стоны. Хотела его власти и силы надо мной. Но...

— Один только поцелуй, — через силу выдохнула я, чувствуя, что он, так же как и я сошедший с ума от нахлынувшей страсти, влечет меня к лестнице, чтоб утащить в свою комнату. — Мы договаривались на один поцелуй.

Он услышал.

Его руки, сжимающие мое тело, нехотя разомкнулись, выпуская меня из объятий. И он молча, тихо-тихо, словно неся на плечах огромную тяжесть, медленно поднялся вверх, оставляя меня одну.

Глава 6. «Золотой трюфель»

Ночной странный посетитель уехал поутру так рано, что я еще спала и не простилась с ним.

Бибби накормила его завтраком и заработала несколько монет за свои услуги. Меня он не потревожил и даже не спросил обо мне.

Думаю, это было и к лучшему.

Негоже нам было видеться еще, если нас тянуло друг к другу с такой странной силой. Ни к чему хорошему это влечение все равно не привело бы.

И хоть на сердце у меня было тяжело, словно я увидела золотой луч счастья и позволила ему погаснуть, я понимала, что поступила верно, не позволив страсти затуманить мне разум.

Потому что после страсти расставаться было бы еще больнее... Почти невозможно.

Одно грело душу: заработанные деньги. Их действительно было много. Невероятно много.

Теперь можно было и о себе подумать, а не только о щеках Бибби.

Портниха справилась с заказом быстро, и теперь моя прислуга щеголяла в веселых зеленых платьях. Бибби в коротком и пышном, с тугим корсажем, а Ханна в широкой зеленой юбке. Себе я купила новый наряд, красивый, но строгий.

Негоже мне теперь выражаться в откровенные платья, подогрывать рассказы Грегори о моей доступности.

Попробуй, подступишь теперь ко мне!

Подумав, я и стек купила, из тех, которыми знатные господа погоняют лошадей. При известной сноровке я могла им отбиться от любого, кто посягнет на мою честь, и при этом не уронить лица, не прослыть скандальной базарной торговкой.

Но вернее стека меня хранила память о незнакомце, который так глубоко запал мне в душу.

Его образ, прекрасный и строгий, всплывал тотчас, стоило хоть какому мужчине подойти ко мне и заговорить. Ах, никто с ним не мог сравниться! И я, тайкой вздыхая, думала, что встретить я его раньше, на Грегори не позарилась бы. И даже не взглянула.

Вероятно, с честью все ж пришлось бы распрощаться; но он не стал бы тянуть из меня деньги, потому что подарки Мари для него — это просто сущие гроши. Так что все кончилось бы более чем благополучно...

На вырученные в ту ночь за трюфеля деньги я прикупила не только себе новой одежды, но и заказала вывеску у краснодеревщика.

На широкой дубовой доске, обожженной горелкой, чтоб подчеркнуть красоту древесных узоров и придать солидности, он искусно вырезал название моей таверны.

Признаться, я долго ломала голову над тем, как ее назвать. Раньше она звалась просто — «у Мари». Но что это за на-

звание для хорошего доходного места? Да и само мое имя теперь было связано с некрасивой историей и со скандалом.

Нет, определенно, надо было назваться как-то иначе.

Поэтому, прикинув так и этак, я выдумала новое название — «Золотой трюфель». И под ровными вычерненными буквами, что в дереве вырезал мастер, был изображен крепкий и красивый гриб.

Вывеска удалась на славу и над входом смотрелась очень красиво и солидно.

И название — «у трюфеля», «в трюфелях», — прижилось очень быстро, буквально в три дня.

Вместо побитой Грегори старой посуды я накупила блестящих новеньких порционных горшков с коричневыми крышками, ну, чисто боровички. В них удобно было запекать мясо с овощами и подавать вместо тарелок.

На столы купила новые льняные скатерти, шторы на окна.

Странная прихоть; но мне хотелось, чтобы мой дом, моя таверна была уютной и красивой. Я хотела смотреть на дело рук своих и радоваться. И люди, которые приходят ко мне, тоже должны были радоваться.

Для гостей я накупила хорошего мяса, отборной свинины у мясника. Старый Ганс снова с охотой (и за умеренную плату, конечно), привез мне купленное мясо. И в таверне аппетитно пахло наваристой жирной похлебкой и печеной на углях свиной, вымоченной в уксусе и маринованной с луком.

Посетители потихоньку потянулись к нам. Особеннолюдно было вечером, когда я запекала на шпажках маринованную свинину, и жир шипел на рдеющих углях, а от аромата слюнки текли.

Кто знает, заслуга ли это Ганса, который регулярно столовался у нас и всем рассказывал, как хорошо я научилась готовить, или налившиеся румянцем щеки красотки Бибби, которая от регулярного питания похорошела и округлилась. Да только теперь таверна была полна желающими попробовать похлебки с той самой чудо-репой, которая придает сил и так вкусна, как описывал Ганс.

Все-таки, мои навыки шеф-повара тоже очень пригодились. Знакомые всем продукты я умела приготовить так, что посетители уписывали их за обе щеки и только головой мотали от удовольствия да нахваливали.

Старая Ханна, с прибранными волосами, умытая и опрятно одетая, в новом, хрустящем крахмальном фартуке, пекла вкуснейшие блины с золотистым шкворчащим маслом. В них мы заворачивали по ложке грибной икры из подосиновиков, с морковью и чесноком, и блины наши пользовались спросом.

Бибби, смеясь и флиртуя, разносила холодные кружки со свежим пивом, целые подносы с жареным мясом и вареным картофелем.

Зеленое платье ей шло невероятно. Заморыш и тихая, как тень, Бибби превратилась в отчаянную кокетку, которой от-

вешивали весьма сочные комплименты все постояльцы.

— Смотри, не повторяй моих ошибок, — предостерегла я ее, увидев, какими голодными взглядами провожают девушку наши гости. — Надо бы с этого дня насобирать тебе сундучок с приданым. И денег поднакопить, чтоб отдать тебя замуж поудачнее. И выбирать ты будешь сама, а не как я — кто поманил, за тем и пошла.

Бибби от удовольствия даже покраснела и согласно кивнула.

В ее огромных глазищах я прочла уверенную гордость. Глядя, как наше заведение снова входит в моду, Бибби обрела душевное спокойствие и уже не напоминала забитого, запуганного зверька. Да, она не совершит моей ошибки; она действительно подойдет к выбору спутника жизни придиричиво.

И это правильно!

Картофель, как я и предполагала, всем пришелся по вкусу. Он действительно ведь очень сытный, питательный, а продавали мы его недорого. Вареный, жареный. Да еще с маслом, присыпанный зеленью!

Мои вложения в землю окупились очень быстро. Пять золотых, огромные деньги для полунищей хозяйки разорившейся таверны, теперь для меня не казались такой уж астрономической суммой. Все еще большой, но не огромной. А наших запасов чудо-клубней достаточно было, чтоб безбедно жить всю зиму.

Как и пророчествовал Ганс, полностью выкопать картошку удалось лишь через неделю. Ею был завален весь подвал, и старая Ханна, поднимаясь рано с утра, шла и чистила ее целыми мешками, чтоб хватило на целый день на толпу пирующих.

Очистки выбрасывать было жаль, и к радости Ханны я купила пару свиней. Старуха, как оказалось, очень уж любила животину, и надеялась, что подросшие поросята начнут плодиться. Ганс поправил нам свинарник, накрыл крышу, привез соломы побольше, чтоб свиньям было тепло зимовать. Очисток в таверне оставалось много, и овощных, и мясных. Ханна на заднем дворе, на сложенном из камней очаге, в огромном чане варила картофельную кожуру с капустными листьями и зерном, и до отвала кормила своих новых питомцев.

— Даст бог, и мясо нам не придется покупать, — говорила она, почесывая щетинистые загривки хрюкающих поросят.

В общем, мы обустроивались как могли.

С Бибби мы отобрали несколько мешков на семена, просушили как следует, и засыпали до весны в сетчатые, сплетенные из крепких нитей мешки.

Осталось еще одно дельце.

Трюфеля.

Очень уж я хотела их отвезти в столицу и продать там дороже. А если повезет, то наладить сбыт. Поставлять грибы на кухни знатных господ.

А что? У меня все для этого было. Я хороша собой, опрятно и со вкусом одета, обходительна и мила. У девушки моей внешности грибы возьмут с охотой. Только б найти покупателя и не дать себя облапошить и ограбить в пути...

О Грегори я и думать забыла. Он больше не являлся мне в кошмарах по ночам, я не слышала его издевательский смех, позабыла угрозы и притязания. Мысли мои успокоились и текли плавно, все направленные в одно только русло: в процветание моего дела. Я собиралась стать одной из самых зажиточных и уважаемых горожанок, и пока мне удавалось небольшими шажками подойти ближе к этой мечте.

Но однажды Грегори, мой несмываемый позор, моя горечь стыда, снова явился в мою таверну. Вероятно, слухи о моих успехах долетели до его ушей, и он лично хотел убедиться, насколько это правда.

Я даже не сразу его увидела, а увидев — не сразу узнала. То ли насущные дела настолько вытеснили его образ из моей памяти, то ли он настолько потускнел в сравнении с тем, с другим мужчиной, о котором я отваживалась думать тайком. Или же просто научился быть незаметным от насмешек тех людей, перед которыми ранее он хвастался тем, как ловко облапошил меня.

Но, так или иначе, а выглядел он не блестяще.

Я лишь усмехнулась, оценивая его порядком потрепанный вид.

Его некогда нарядная одежда была порядком поношена, затерта и пыльна, словно ему приходилось носить ее каждый день, не меняя. Ткани потускнели, лишились былой яркости, и Грегори стал каким-то серым, незаметным, невзрачным.

Физиономия у него тоже как-то странно посерела, вытянулась, словно долгое время ему приходилось довольствоваться постной пищей. А вкусные куски будто б проносили мимо его носа, даже не позволяя толком понюхать.

Даже Бибби, едва начавшая поправляться, в сравнении с Грегори теперь смотрелась более сытой, румяной и довольной.

Кажется, мое упрямство, мое нежелание продать ему по дешевке свою таверну сыграло с ним весьма злую шутку. Свадьба его расстроилась; да еще и местные девушки начали обходить его стороной из-за его хвастовства. Думая, что поймал удачу за хвост, Грегори совсем не думал о том, что болтает его язык, а потому смаковал все подробности того, как обманывал меня, выманивая подарки и деньги.

И о том, как поступил со мной потом, тоже, конечно, разболтал.

— Ух, и верещала она подо мной! — хвалился он, описывая все те мерзости, что вытворял той страшной ночью.

Он думал, что выгодная женитьба уже у него в кармане. И вдруг остался не у дел! Ему дали от ворот поворот, и он остался один. А после его грязных откровений, конечно, какая девушка отважится или просто пожелает иметь с ним де-

ло?

Да и отцам потенциальных невест такое родство не очень-то нравилось. Лоботряс без особых талантов, без ремесла и без источника доходов кроме мошенничества, кому он был нужен, этот гадкий альфонс Грегори?

Дурачок, он правда думал, что подобные рассказы его красят?

Нет, наверное, если б он все не потерял, для кого-то он и оставался бы героем. Но выгодный брак его расстроился, а деньги, выманенные у меня, он спустил. Слишком уж любил жить на широкую ногу и сорить деньгами. Проигрывал в карты, пропивал, спускал на девиц.

Мамаша его, старая склочница, вероятно, тоже не стала содержать сынка-лоботряса.

Вот он и остался не у дел. Никому ненужным.

Как мухомор. Яркий, нарядный, но ядовитый. Годится только на то, чтоб ему пинком шляпу снесли...

— Добрый вечер, Мари, — произнес он смирно, тиская бледными грязноватыми пальцами поля мокрой шляпы. — Хорошая погода сегодня, не правда ли?

— Не правда, — отрезала я, нахмутив брови и машинально нащупывая свой стек. Я вешала его на пояс, на тонком черном шнурке, и его почти не было видно в складках платья. До сих пор у меня не было повода пустить его в ход. Неужто сегодня случай представится? — Гроза за окном. Чего тебе нужно? Говори скорее и проваливай, не отнимай мо-

его времени!

Грегори шумно сглотнул, обвел взглядом зал таверны, наполненный мягким золотым, праздничным светом, и произнес, все так же смирно, уважительно и мягко:

— А здорово ты все тут обустроила. Стало лучше, чем было, ей-богу!

Я усмехнулась, а Грегори, ободренный моей улыбкой, оживился и продолжил:

— Надо ж, какая ты, оказывается, хорошая хозяйка! Не разглядел сразу, признаю. Чистота тут какая, и уют! А пахнет как вкусно! Держу пари, ты не готовила таких блюд... раньше. О свиных ребрышках в чесночной подливке в городе легенды ходят. Только и говорят, как это вкусно!

И он гулко сглотнул слюну.

По всему было видно, что он голоден, что продрог и устал. Но что-то в моем сердце не было ни капли жалости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.